ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга Генриха В. Лудольфа, переиздаваемая нами через 240 лет после ее выхода в свет, представляет незаурядный интерес и для лингвиста, и для филолога, и для историка. Выходец из передового саксонского бюргерства, широко образованный человек, Лудольф — в отличие от многих других, побывавших в России иностранцев — отнесся к наблюденным им фактам и к слышанным рассказам с исключительной трезвостью, с живым и доброжелательным интересом, с достаточным доверием и с достаточной осторожностью. Книга в основном посвящена языку, но она дает немало и для историка культуры, нравов, хозяйства России конца XVII века.[1] Двенадцать вводных страниц и завершающий книгу трактат о природе и населении России (стр. 91-ая след.) дают в основном достоверный и обобщенный, а не анекдотический материал о стране и народе.[2] Меньше половины основного текста занимает краткая оригинальная и чрезвычайно ценная грамматика русского языка, разговорного языка разных классов общества, но преимущественно господствующего класса. Большую часть книги, и наиболее увлекательную для всякого читателя часть — занимают диалоги, пять бытовых и один на тему о рели-

---

[1] Лудольф провел в Московии 1693-й год, а, возможно, еще и часть 1692-го и 1694-го.

[2] Почти к тому же времени относятся две известных книги иностранцев, побывавших в России и описавших все виденное. Это:

1. De la Neuville. Relation curieuse et nouvelle de la Moscovie. contenant l'état present de cet Empire, les expeditions des Moscovites en Crimée, en 1689. Les causes des derniers Revolutions. Leurs mœurs et leur Religion. Le recit d'un voyage de Spatarus, par terre, à la Chine. Paris 1698.

Рассказ относится к 1689 году. Перевод А. Н. Браудо (полный) напечатан в журнале „Русская Старина" за 1891 год, сентябрь, стр. 419—450 и ноябрь, стр. 241—281.

2. Joh. Georg Korb. Diarium itineris in Moscoviam ad Serenissimum ac Potentissimum Tzarum et Magnum Moscoviae Ducem Petrum Alexowicium. Anno 1698.

Полный последний перевод А. И. Маленна. Изд. Суворина. СПБ. 1906.

Обе эти книги гораздо ниже книги Лудольфа по культурному уровню авторов, по степени проникновения и понимания русских дел.

гиозных спорах, ханжестве, пристрастии к обрядам. Эти диалоги, в особенности второй, третий и четвертый, представляют памятник во всех отношениях не менее интересный, чем повести или интермедии того времени, памятник одинокий, исключительный по своему жанру. Ничего подобного ему в нашей письменности не было. Появившиеся у нас в 1716 году переводные „Разговоры дружеския Дезидериа Ерасма на российскомъ и галанскомъ языкахъ“ по содержанию так далеки от русской действительности и быта, что в отношении историческом и литературном, да и по языку не могут итти в сравнение с „Phrases et modi loquendi“ Лудольфа.[1] Своеобразие этого жанра в том, что он имел практическое назначение. По этим диалогам читатели книги должны были научиться тому или иному языку (в одном случае русскому, в другом голландскому, в третьем латышскому и т. д.). Но как это далеко от „разговорников“ позднейшего времени! В названных мною книгах не только обдуман и выдержан тематический план диалогов, — им придана часто литературная выразительность, а в отличие от драматической литературы того времени они поразительно реалистичны, точны в языковой характеристике участников диалога и богаты верно подмеченными чертами нравов и быта той страны и эпохи, какую описывают. Это конечно не художественная литература, это промежуточный жанр между научной или учебной и художественной литературой. К тому же еще все этого рода книги (и в особенности книга Г. Лудольфа) имели малое распространение и обращались в среде изучающих данный язык и не владеющих им, т. е. стояли целиком вне общего литературного процесса, не оказывали воздействия на него. Но для нас все такого рода книги представляют первостепенной важности источник по истории языка, культуры, быта — наряду с памятниками художественной литературы с одной стороны, и историческими документами с другой.

В Англии, Германии и Франции книга Лудольфа была в свое время оценена по достоинству. Высокая честь издания ее Оксфордской Академией, переводы на французкий и английский язык отдельных ее частей, полная перепечатка последней части книги в Германии, выдержки и почтительные упоминания об этой книге у Марпергера и потом у Фриша — свидетельствуют о ее успехе.

В Россию попало немало экземпляров этой книги (в одной только Библиотеке Академии Наук их сейчас три), но здесь

---

[1] Только „Zehen Gespräche“ Г. Манцелия, Рига, 1638 г. (на латышском и немецком языке), так же мало оцененные до сих пор филологами-балтистами, как и диалоги Лудольфа у нас, представляют некоторую аналогию этому произведению.

она не была понята и признана, так как шла в разрез с господствовавшими до самого последнего времени тенденциями и теориями.[1]

Если о грамматике Лудольфа и вспоминали, то лишь потому, что принято было считать ее первой грамматикой русского языка. Но это как раз и не является ни бесспорным ни существенным при ее оценке.

Недавно проф. П. Н. Берков обнаружил и показал мне в большом библиографическом своде 1682 года: Martini Lipenii Bibliotheca realis philosophica omnium materiarum etc. Fr. a/м. 1682, на стр. 964 упоминание о книге: Elementa linguæ russicæ, 8°, вышедшей, во всяком случае, до 1682 года, т. е. не менее, чем за 15 лет до книги Лудольфа. Однако, пока эта анонимная русская грамматика не найдена, работа Лудольфа остается первым учебником русского языка для европейцев; так на нее смотрели современники (напр. упомянутые Марпергер и Фриш), да так же думал о ней и сам Лудольф („in re nondum tentata"... Præfatio. p. VII). Указание М. Липения остается пока загадочным, а книгу Лудольфа мы попрежнему можем называть первой научной грамматикой русского языка, если это кому нибудь нужно, чтобы серьезнее и толковее отнестись к ней.

В переиздании текста я стремился к полной точности, сверку производил несколько раз, воспроизвел и внешнее оформление книги, насколько позволяли типографские средства. Но явные опечатки подлинника, как оговоренные автором в списке опечаток (стр.VI/47) так и незамеченные им, я исправил, сделавши каждый раз указание на опечатку в сноске. Эти мои примечания должны (помимо дипломатической верности издания) показать читателю книги работу оксфордской типографии и с ее слабой стороны. Снимки нескольких страниц текста дополняют впечатление о внешности книги. Несколько мелких отступлений позволил я себе в употреблении прописных букв. В диалогах Лудольфа каждая реплика в латинском и немецком отделе начинается с прописной буквы, а в русском столбце обычно со строчной (за несколькими исключениями в средине диалога), и только первая реплика каждого диалога набрана с прописной. Для единообразия и четкости я ввел прописную букву в начале каждой реплики и в русском столбце. В двух-трех случаях я поставил пропущенную в подлиннике точку. Но все своеобразие пунктуации этой книги я сохранил.

В переводе своем, — предназначенном для читателей не владеющих латинским языком, — я со всей возможной точностью

[1] М. П. Алексееву, а также и П. Н. Беркову, я обязан рядом библиографических указаний, за которые приношу искреннюю благодарность.

передал смысл текста Лудольфа, стараясь передать адэкватно и ученый, местами украшенный и высокопарный его стиль. Но я всячески избегал буквальности, так как буквальный перевод всегда искажает и языковую фактуру и содержание подлинника.[1] В некоторых затруднительных местах мне помог современный Лудольфу английский перевод его трактата.

В немногочисленных и кратких примечаниях я пояснил только то, что потребовало бы справок или вызвало бы недоумения у подготовленного читателя. Чтобы сделать эту книгу широко доступной, надо было бы издавать ее вовсе без латинского текста и со сплошным почти комментарием, — но в этом пока нет нужды.

Б. Ларин

5 февраля 1936 года.

---

[1] Орфография русских примеров в переводе грамматики приведена мною к однообразному виду, выправлена, но в издании латинского текста она воспроизведена точно.

О ГЕНРИХЕ ЛУДОЛЬФЕ И ЕГО КНИГЕ

I

Если бы до нас не дошло никаких достоверных сообщений о Г. Лудольфе, то и одна его книга „Grammatica russica" позволила бы установить немало подробностей о его жизни, социальном тяготении, идеологии и культурном уровне. В книге остался довольно ясный и живой образ автора (хотя это нисколько не входило в его намерения) — и внимательное чтение вскрывает этот образ.

Прямые источники для биографии Лудольфа сохранились, я приведу их потом, но раньше того рассмотрим данные, извлекаемые из этой его книги.

Основное ее издание посвящено кн. Борису Алексеевичу Голицыну — дядьке царя Петра. Из посвящения мы узнаем о гостеприимстве и покровительстве, оказанном Лудольфу в Москве кн. Б. А. Голицыным. Предисловие к книге ясно указывает на беседы Лудольфа с близкими к правительству боярами и с патриархом, на основательное ознакомление Лудольфа с состоянием просвещения, литературы, церкви в Москве 90-х годов XVII века.[1] Трактат о населении и природных богатствах России, помимо прямого указания на сообщения русских сановников и купцов, свидетельствует об усердном собирании нужных Лудольфу сведений в разных местах Московии (во время путешествия по стране) и от лиц самого разнообразного социального положения. Все это свидетельствует и о большой учености Лудольфа, и об основательной подготовке к путешествию в Московию (о предварительном изучении русского языка), и о значительном опыте — политическом и торговом.

Кроме общеизвестного издания „Русской грамматики" существует еще особое „подносное", в котором нет грамматики, а только диалоги и трактат, — оно посвящено не кн. Голицыну, а царю Петру (см. приложения к основному тексту, стр. 145 сл.). Кроме нового посвящения это издание отличается еще и новым вводным листком, озаглавленным: „Война к миру дорога" и содержащим ряд военных терминов.

---

[1] Он читал книги Симеона Полоцкого, Уложение Алексея Михайловича эти огромные фолианты, а также и другие памятники древне-русской литературы, прежде всего грамматики.

Это „подносное“ издание свидетельствует о том, что Лудольф успел узнать и царя Петра; вполне правдоподобно, что он был ему представлен, о чем сообщают его биографы. Книга была прислана в Москву в 1696 году, и на экземпляре, хранящемся в „Петровской галерее“ Библиотеки Академии Наук, сохранилась запись почерком, очень напоминающим руку Петра I: „Книга вакабулы руския з голанскими. Поднесена от Андрея Вилгелма Лудолфа в 1696 году“. Припомним, что 19 июля 1696 года царь Петр I взял сильную турецкую крепость Азов.

Уже из этого мы можем заключить, что Г. Лудольф был не купец, не ищущий службы офицер или инженер. Принятие его книги к изданию Оксфордской Академией ясно указывает, что он был послан в Московию из Англии. Биографы сообщают, что он был перед поездкой в Москву секретарем мужа английской королевы Анны, датского принца Георга. После поездки в Московию он совершил еще ряд путешествий в Турцию, Палестину, Италию. Несколько раз был он в Гааге и Амстердаме. Путешествия по Европе он делал и до поездки в Московию. Ошибочная запись на подносном экземпляре „вакабулы руския з г о л а н с к и м и“, быть может, указывает на привезенные Лудольфом в 1693 г. рекомендательные письма к русскому двору из Голландии, по которым он мог быть принят за голландца.

Позднейшие письма Г. Лудольфа, найденные проф. Е. Шмурло в Ватикане, в бумагах Ив. Пастрича, лектора в „Collegio de Propaganda“,[1] показывают, что он продолжает еще в 1703 и в 1705 г.г. живо интересоваться русскими делами. В письме из Копенгагена 26. XI. 1703 он рассказывает: „Fra altre buone venture ha trovato qui un ambasciatore di Moscovia, il quale io havero conosciuto a Livorno 5 anni sono, un signore molto garbato...[2] Следовательно и в 1698 г. он искал русских знакомств в пути своем на Восток.

Его личные интересы были особенно живо сосредоточены на вопросе об объединении всех вероисповеданий, об организации на началах широкой терпимости единой мировой церкви. О том свидетельствуют и последний диалог в нашей книжке и другие его сочинения, а также и открытые Шмурло его письма к Пастричу (профессору богословия). Но интересы ученого — лишь субъективное преломление его социальных функций. Он служит целям большой международной политики Англии, его космополитизм — буржуазный по своим корням, его научные интересы в тесной связи с политическими и хозяйственными. Характерно, что в одном из писем к Пастричу он прерывает свои богословские рассуждения: „Il nuovo huomo consiste nell' unione dell'anima con Dio, la vita naturale consiste nell' unione fra l'anima et il corpo...“[3] такими отступлениями: „Il Dittionario Schlavonico di Sparvenfeld

---

[1] *Е. Шмурло.* Россия и Италия, т, IV, стр. 295—97.

[2] Перевожу: „Между прочими добрыми происшествиями — встретил я здесь московского посланника, с которым познакомился еще 5 лет назад в Ливорно, — очень любезного господина“. См. *Е. Шмурло.* Россия и Италия, т. IV, стр. 297.

[3] „Новый человек это единение души с богом, как органическая жизнь — единение души и тела“... Там же стр. 295.

HENRICI WILHELMI LUDOLFI

GRAMMATICA RUSSICA

QUÆ CONTINET

Non tantum præcipua fundamenta

RUSSICÆ LINGUÆ,

Verum etiam

Manuductionem quandam

AD

GRAMMATICAM SLAVONICAM.

Additi sunt in forma dialogorum modi loquendi communiores, Germanice æque ac Latine explicati, in gratiam eorum qui linguam Latinam ignorant.

Una cum

BREVI VOCABULARIO RERUM NATURALIUM

OXONII,

E THEATRO SHELDONIANO. A. D. MDCXCVI

Выходной лист книги Лудольфа (0·95 нат. вел.)

Автограф Генриха Лудольфа

Singulari amico suo
[illegible] Voltemake benevole
[illegible] ergo hunc suum
libellum transmittit
Londini [illegible] [illegible] H W Ludolf
1696

0,95 натуральной величины

non si stampò a Amsterdam, conforme al disegno, un certo Elia Kopievitsch Lituano stampo a Amsterdam, con privilegio Tzareo diversi libri Moscoviti, et fra altri una grammatica russicolatina,[1] ma serve solamente per imparar il latino a' Russi. Dr Bergius, superintendente generale di Livonia a Riga, tratto con detto Kopievitsch per venir con i suoi typi in Suecia per stampar il dittionario di Sparvenfeld alle spese del re. Dr Bergius, essendo inanzi superintendente di Narva, si era applicato alla lingua Moscovita et fece un piccolo libro de ecclesia Russia, latine, contendendo molte particolarita de' Roskolnichi o Schismatici della Chiesa Moscovita de' quali molti si lasciarno abbruciare per differenza de' dedi, con i quali fanno la croce. Un signore Moscovito m'a ditto che si stampava a Moscou un gran Dittionario Schiavonico-latino-greco, fatto dell' interprete Tzareo Spatharius, che fu inviato dal Tzar Alexi Michailovitz a la China".[2]

Здесь не только отражен настойчивый интерес господствующих классов в разных государствах Европы к изучению русского языка, но вскользь затронут и мотив этого интереса, — планы миссионерско-торгового проникновения в Московию и через нее на Восток, на Дальний Восток.

С кем встречался, что видел и слышал в Москве Лудольф, об этом живо и подробно рассказывает он в своих диалогах и в примерах, фразах, вкрапленных в изложение грамматики. Нет нужды здесь все это повторять, читатель легко найдет эти указания в тексте книги Лудольфа.

Если сопоставить такие фразы в этой книге, как:

„Етая деревня за Свицкимъ королемъ". (46)
„Вчерась онъ от Нова города приѣхалъ" (44)
„Изъ агленскои землы привозятъ сукно". (43)
„Куда поедишъ? В Свицкую, Цесарскую, Голанскую землю" (60)
„Луче ли тебѣ ѣхать водою или горои"?
„Море не люблю, естли сухимъ путемъ поѣду, не утону". (61)
„Зимою ли или лѣтомъ луче путешествуешъ"?
„На Русиѣ луче зимою" (62).

— то можно указать и маршрут и способ путешествия Лудольфа в Москву и обратно в Англию.

Расспросы Лудольфа о связях с Францией, о том, кто (стр. 14) „послом был во Французской земле", большой интерес к рус-

[1] Ср. приложение II нашей книги, стр. 146—154.

[2] Там же, стр. 296—7. Перевожу: „Славянский словарь Спарвенфельда не был напечатан в Амстердаме, как предполагалось; некий Илья Копиевич, белорусс, напечатал в Амстердаме по царской привилегии различные русские книги и, между прочим, русско-латинскую грамматику, предназначенную для обучения латинскому языку русских. Доктор Бергиус, генеральный суперинтендант Ливонии в Риге ведет переговоры с упомянутым Копиевичем о переезде его со своей типографией в Швецию для печатания словаря Спарвенфельда за счет короля. Д-р Бергиус, будучи еще раньше суперинтендантом в Нарве, овладел русским языком и написал небольшую книгу на латинском языке о русской церкви, где содержится много подробностей о раскольниках или схизматиках русской церкви, многие из которых идут на сожжение из-за различия в сложении пальцев для крестного знамения. Один знатный москвич говорил мне, что в Москве печатается Славяно-латино-греческий словарь, составленный Спафарием, царским толмачем, которого царь Алексей Михайлович послал в Китай".

ско-персидской торговле, указание в предисловии (стр. IX) на изучение русского языка бухарцами, а в заключительном трактате — на армянских купцов с персидскими товарами в Нарве и на условия волжского транзита, на индийскую торговлю в Московии, на обучение русских арабскому языку в Тобольске для азиатской (индийской) торговли, на связи с Китаем (стр. 96—97), — все это раскрывает пред нами программу изучения Московии представителем английского капитала. Но это только косвенно, мельком намечено в книге. В центре внимания здесь русский язык. Лудольф красноречиво убеждает русских дать широкий простор применению „простого" разговорного языка (in vulgari dialecto aliquid imprimi) в литературе, ввести его в книги. Он говорит и о необходимости широкой просветительной работы в России, и о сочувствии этому делу молодого царя. Он составляет грамматику и диалоги на том именно обиходном языке, какой, по его мнению, должен заменить старославянский, чтобы показать пример использования его, а также дать возможность ознакомиться с ним иностранцам. Он рекомендует вниманию правительства и самый шрифт своей книги, отлитый в Голландии, несколько отличающийся от шрифта московских типографий—едва уловимыми изменениями в направлении к графическому стилю латиницы, отмечая, что патриарх Адриан заказал для своей типографии греческий шрифт тому же голландскому мастеру, который отлил славянский шрифт для его книги.

И как ни смела, ни необычна была позиция Лудольфа во всех этих вопросах, — он имел успех. Конечно, не его именно пропаганда, а вся социально-экономическая ситуация — для него благоприятная — обусловила победу провозглашенных им[1] принципов, но и его доля в этой победе, вероятно, есть. Язык писем Петра и его помощников, язык некоторых сделанных под наблюдением Петра переводов — именно тот, за какой ратовал Лудольф, язык очень близкий к языку диалогов в Русской грамматике Лудольфа. Гражданка, введенная Петром, — более смелый и решительный шаг по пути сближения с латиницей, чем предлагал Лудольф, но шаг по намеченному им пути. Во время поездки в Англию в 1698 г. — через два года после поднесения „образца славенскихъ типовъ по указу Оксфордской Академии зделанныхъ"[2] — Петр посетил Оксфорд, и, вероятно, знакомился там и с работой типографии Шелдонова Театра, а в 1699—1700 году по его приказу и на его средства именно в Голландии Илья Копиевич организует типографию и печатает грамматики (русско-латинскую и русскую), „номенклятор" (латино-немецко-русский словарь), космографию и другие учебники для русских. Лудольф с полным удовлетворением отмечает это событие в письме 1705-го года (см. выше).

Как ни много сведений о личности и деятельности Лудольфа мы можем извлечь из его книги, все же нам очень недостает и

[1] Эти же принципы, возможно, пропагандировались в Москве и другими близкими ко двору иностранцами.

[2] Из посвящения книги Лудольфа Петру I (см. стр. 145)

временников.

Самая обстоятельная его биография находится в книге, вышедшей в год его смерти: Lives and Characters of Illustrious Persons who died in the years 1711—15. London, 8°,3 vol. Другим первоисточником сведений о Лудольфе является краткий некролог А. Бэма, напечатанный в книге: „Pious remains of H. W. Ludolf, With his funeral by A. W. Boehm, London, 1712 (и вторично, 1726). Но ни той, ни другой книги нет ни в одной из библиотек Ленинграда.[1] Почти полную выписку из первой названной книги представляет статья о Лудольфе в „General Biography"; or, lives, critical and historical, of the most eminent persons of all ages, countries, conditions, and professions, arranged according to alphabetical order. Composed by John Aikin, the Rev. Th. Morgan, and Mr. W. Johnston. Vol. VI. London, 1807, p. 383. И этой книги тоже у нас нет, но, к счастью, ак. Шифнер во время своей поездки в Лондон переписал эту биографию Лудольфа полностью и напечатал ее со своим переводом в Записках Имп. Академии Наук, т. V, 1864, приложение III, стр. 119—126: „Биографические известия о Г. В. Лудольфе".

В виду исключительной важности для нас этого источника я перепечатываю его целиком с издания ак. Шифнера:

Ludolf, Henry-William, nephew of the preceding (Job Ludolf), and a learned as well as pious writer, was born at Erfurt, in the year 1655. His father, who was a counsellor of that city, gave him a liberal education; and his uncle instructed him in the oriental languages, particularly the Hebrew and the Arabic, in which he became a considerable proficient. He obtained the post of secretary to M. Lenthe envoy from Christian V king of Denmark to the court of Great Britain; who was so well satisfied with the manner in which he acquitted himself in that employment, that he afterwards recommended him to prince George of Denmark, who in 1680 appointed him his secretary. This situation he retained for some years, till the attack of a violent disorder rendered him incapable of discharging its duties when he was permitted to retire, with a handsome pension. Upon his recovery, he resolved to visit foreign countries, and particularly such as were little known to travellers, that he might become acquainted with their manners, and learn their languages. Russia was the first country of this description which excited his curiosity; and as he had acquired some knowledge of the Russian language before he left England, he was soon able to converse with the natives, and met with a polite reception from the principal persons in that country. As he understood music, and was an able performer on several instruments, he had the honour to display his accomplishments in this art before the czar at Moscow, to the great surprise and delight of that prince. The various knowledge, likewise, which he discovered in his conversations with the

[1] Британский Музей к сожалению не участвует в международном межбиблиотечном обмене и потому я не мог получить этих книг.

Russian clergy, and [illegible]
and particularly the facility with which he discoursed in the Hebrew tongue, with some Jews who were in that country. Upon his return to London in 1694, he was obliged to undergo the operation of cutting for the stone; and as soon as his health would permit he set about the composition of „A Russian Grammar", intended for the use not only of traders and travellers, but of the natives themselves, by exhibiting the principles of their language in a more regular form than had been before laid down. This work was printed at the Oxford university press, and published in 1696. Ludolf's curiosity now determined him to take a voyage into the east, that he might obtain information concerning the state of the Christian church in the Levant. He arrived at Smyrna in November 1698; whence he went to Jaffa, from Jaffa to Jerusalem, and from Jerusalem to Cairo; making useful observations on the productions of nature and art, and carefully examining the state of government and religion in the different countries through which he passed. An anecdote which he relates of an conversation which took place between him and the commander of a Turkish vessel, on board of which he had taken his passage for Alexandria, is not unworthy of being preserved. He was one day reading aloud our Saviour's sermon in the mount, out of the Arabic version of the New Testament, which had been printed at the expense of Mr. Boyle; when the captain, after having listened for some time asked him, „What'book that was?" Upon his answering, „that it[1] was the system of Christian religion", the captain replied, „that could not possibly be true, since the practice of the Christians was directly the reverse". To this Ludolf rejoined, „that he was mistaken, and that it was easy to account for his being so; since the Turks had little opportunity of conversing with, or observing the manners of any other Christians than sailors or merchants, who were to commonly a disgrace to their religion" With this answer the Turk appeared to be well satisfied; and afterwards treated our traveller with great civility and kindness. As soon as Ludolf had returned to England, his reflections on the deplorable state of Christianity among those who professed that religion under the Turkish government induced him to undertake an impression of the New Testament in the vulgar Greek, and to present it to the members of the Greek church. The version which he made use of was one that had been published several years before in Holland, in two volumes. Being encouraged in this undertaking by the liberal contributions of the bishop of Worcester, and other friends, Ludolf carefully superintended an impression of this version, which was printed in London, in one volume 12 mo; which he afterwards distributed among the Greeks, by means of the connections which he had formed in his eastern tour. He often expressed his wishes, that the protestant powers of Europe would in one respect imitate the papists, in their zealous endeavours to propagate their religion, by establishing a kind of college at Jerusalem. He wished also, that

---

[1] Haneч, is.

devoted to the propagation [illegible] particular systems concerning which Protestants differ among themselves, but united together by an agreement in the fundamental principles of the gospel, and by universal love and charity. A college of such men, well acquainted with the vulgar Greek, Turkish, and Arabic languages, would, he was persuaded, contribute wonderfully to the spreading of the Christian faith in the east. Ludolf is certainly entitled to praise for the liberality of his own views; but we fear that the period is at distance when such a project as that of which he had conceived the idea may be more than utopian. In the year 1709, Ludolf was appointed by the queen Anne one of the commissioners for managing the charities collected for the relief of the poor Palatines, whom the severe exactions of the French, and the calamities of war, had driven from their native country. He died in the year 1710 (?), in the fifty fifth (?) year of his age. Besides his „Russian Grammar", he was the author of „Meditations on Retirement from the World," „Meditations upon divers Subjects, tending to promote the inward Life of Faith," etc.; „Considerations on the Interest of the Church Universal", „a Proposal for promoting the Cause of Religion in the Churches of the Levant", „Reflections on the present State of the Christian Church" and „A Homily of Macarius, done out of Greek". Some of these pieces were printed separately, and they were all published in a collective form in the year 1712.

Перевод ак. Шифнера.

„Лудольф, Генрих Вильгельм, племянник предыдущего (Иова Лудольфа) и столь же ученый сколько набожный писатель, родился в Эрфурте в 1655 году. Его отец[1], который был советником того города, дал ему благородное воспитание и дядя учил его восточным языкам, особенно еврейскому и арабскому, в которых он сделал значительные успехи.[2] Он получил место секретаря у господина Лента, посланника Христиана V, короля датского, ко двору Великобританскому, который был столь доволен образом, с которым он исполнял его должность, что он рекомендовал его после принцу Датскому Георгу, который в 1680 г. определил его своим секретарем. Это место он сохранил несколько лет, пока нападки сильного расстройства[3] не сделали его неспособ-

[1] Отец был Георг Генрих Лудольф, родившийся в 1615, после долголетних путешествий по Европе он был секретарем Шведского посольства при заключении Вестфальского мира, но будучи отозван смертию отца принят был в магистрат Эрфуртской, наконец, он был Майнцского Электора Regierungs-Rath und oberater Rathsmeister, умер в 1669 году.

[2] Пример этого дяди, прославленного ориенталиста того времени, Иова Лудольфа, написавшего первую в Европе грамматику абиссинского языка (Grammatica amharicae linguae, quae vernacula est Habessiniorum et Lexicon amharico- latinum. Fol. Francfort. 1698. Lexicon aethiopico- latinum, 1699 etc.), — вероятно и побудил Генриха Лудольфа к составлению первой русской грамматики. Занятия Иова Лудольфа абиссинским языком начались в 1649 году, а его первый большой труд об Абиссинии вышел в 1681 г. (Historia Aethiopica) (*Б. Л.*)

[3] Я бы перевел „припадки жестокой болезни" (*Б. Л.*)

ным к исполнению своих обя... [illegible]
с хорошим пенсионом. По восстановлении здоровья он решился посещать чужие края и особенно такие, которые были мало известны путешественникам, чтобы познакомиться с их обычаями и изучить их языки. Россия была первая земля этого рода, которая возбудила его любопытство; и так как он приобрел уже некоторое знание русского языка прежде чем он оставил Англию, он вскоре был в состоянии разговаривать с туземцами и был вежливо принят главнейшими особами этой земли. Как он знал музыку и был виртуозом на разных инструментах, он имел честь показать свое мастерство в этом искусстве перед царем в Москве, к большому удивлению и удовольствию этого царя. Равным образом разнообразная ученость, которую он показал в разговорах с русским духовенством, заставила смотреть на него как на чудовище учености; и особенно ловкость, с которою он разговаривал на еврейском языке, с некоторыми евреями, которые были в этой земле. После возвращения в Лондон в 1694 году, он был принужден подвергнуться операции вырезывания камня и, коль скоро здоровье ему позволило, он составил „Русскую грамматику", назначенную не только для купцов, и путешественников, но и для самих уроженцев, - так как она представила правила их языка в более стройном виде, чем они были установлены прежде. Это сочинение было напечатано в Оксфордской университетской типографии, и издано в 1696 году. Любознательность Лудольфа заставила его теперь предпринять путешествие на Восток, чтобы получить сведение, на счет состояния христианской церкви на Востоке. Он приехал в Смирну в ноябре 1698 года, потом он отправился в Яффу, из Яффы в Иерусалим и из Иерусалима в Каиро, при чем он делал полезные наблюдения о произведениях природы и искусства и тщательно изучал состояние правительства и религии в разных странах, через которые он путешествовал. Не недостойно сохранения анекдот, который он рассказывает[1] о разговоре случившемся между ним и командиром турецкого судна, на котором он переправился в Александрию. Однажды, когда он читал в слух проповедь нашего Спасителя на горе по арабскому переводу Нового завета, напечатанному на счет господина Бойля, капитан прислушав[2] несколько времени, спросил его, что это за книга? На его ответ, что это система христианской религии, капитан заметил, что едва ли правда, потому что жизнь христиан в действительности совершенно противоположна. На это Лудольф ответил, что он ошибается, и что легко объяснить это ошибочное мнение, потому что турки не имеют часто возможности разговаривать и наблюдать обычаи других христиан кроме моряков и купцов, которые слишком часто служат бесчестием своей религии. Повидимому этот ответ понравился турке и он после этого обходился очень учтиво и любезно с нашим путешественником. Сейчас по возвращении

---

[1] „Нельзя не привести здесь его рассказ"... (*Б. Л.*)

[2] „Прослушав" (*Б. Л.*)

[illegible]
исповедывающими эту религию под турецким правительством, заставили Лудольфа предпринять напечатание Нового завета на родном греческом языке и раздать его членам греческой церкви. Перевод которым он воспользовался, несколько лет пред тем был издан в Голландии, в двух томах. Получив поощрение к этому предприятию щедрыми взносами епископа Ворстерского и других друзей, Лудольф тщательно заведывал напечатанием этого перевода, который вышел в Лондоне в одном томе in 12; потом он его раздавал между греками посредством связей, которые он приобрел во время своего путешествия на восток. Он часто изъявлял желание, чтобы протестантские государства в Европе, в одном отношении подражали католикам в ревностном старании к распространению своей религии, учреждая[1] некоторого рода коллегиум в Иерусалиме. Он желал также, чтобы люди назначенные для такого рода заведения, не были преданы распространению особенностей одной из разных систем, относительно коих[2] протестанты различаются между собою, но соединились[3] принятием основных правил евангелия и всеобщею любовью и милосердием. Коллегиум таких людей, хорошо знакомых с простым греческим, турецким и арабским языками, по его убеждению, мог бы удивительным образом содействовать распространению христианской веры на Востоке. Без всякого сомнения Лудольф заслуживает похвалу за либеральность своего взгляда, но мы боимся, чтоб то время не было еще далеко, в которое проэкт такого рода, как он себе вообразил, мог быть больше чем утопическим. В 1709 году Лудольф был назначен королевою Анною одним из комиссаров для распределения милостынь собранных для помощи бедных палатинцев,[4] которых строгие взыскания французов и военные бедствия выгнали из отечества. Он умер в 1710(?) г., на 55(?) году своей жизни. Кроме русской грамматики он был автором сочинении: Размышления об удалении от света; Размышления о разных предметах, касающихся поощрения внутренней религиозной жизни и проч.; Созерцания об интересе Вселенской церкви; Предложения для поощрения дела религии в церквах Востока; Размышления о настоящем состоянии церкви христианской и Гомилия Макария, переведенная с греческого. Некоторые из этих сочинений были напечатаны отдельно и все они изданы в сборнике в 1712 году."[5]

---

[1] „и учредили бы" (*Б. Л.*)

[2] „какими" (*Б. Л.*)

[3] „соединились бы" (*Б. Л.*)

[4] „бедным немецким беженцам из Пфальца" (*Б. Л.*)

[5] Я мог бы предложить читателю свой перевод этой биографии, т. к. перевод ак. Шифнера очень тяжел, местами маловразумителен, но я отказался от этого потому, что из всех исследователей нашего памятника один только ак. Шифнер перечитал все первоисточники для биографии Лудольфа, оставшиеся всем прочим недоступными. Эти его штудии как то сказались и на переводе и на выборе текста биографии. Поэтому приходится считать и этот перевод своего рода источником.

Год смерти Г. Лудольфа в этом биографическом словаре (как и возраст) указан неправильно. Ак. Шифнер (стр. 121) приводит разысканную им выписку из церковной метрической книги о погребении Г. Лудольфа, где точно указано: „преставился в Лондоне 25 Января... (погребение 3 февраля) 1712 года". Все остальные сведения, повидимому, верны, они подтверждаются другими источниками.

Этих сведений о Генрихе Лудольфе совершенно достаточно для правильного понимания его книги, а также той среды и обстановки, какою обусловлено было ее появление.

II

Как оценен был труд Генриха Лудольфа в России?

На этот вопрос можно ответить коротко: большинство русских лингвистов со второй половины XVIII в. и до наших дней или вовсе не знало о нем, или не обращалось к этому важному источнику, а те, кто заглядывал в книгу Лудольфа, не оценили ее по достоинству.

Я сведу в этой главе немногочисленные отзывы о Grammatica Russica H. Ludolfi, чтобы продемонстрировать непроницательность и националистическое высокомерие нашей „отечественной" критики.

Что грамматика Лудольфа была забыта у нас со второй четверти XVIII в. и до начала XIX в. (ее затмила „Российская грамматика Михайла Ломоносова", 1755 года), — о том свидетельствует статья Мих. Каченовского в „Вестнике Европы" за 1807 год (ч. 34, № 16, август, стр. 291—95): „О первой русской грамматике". Здесь читаем: „Немногие знают, что первую русскую грамматику сочинил иностранец Г. В. Лудольф". Каченовский описывает состав книги, приводит страничку выдержек из нее и заключает статью такой оценкой: „Зато уж ничто лучше грамматики Лудольфовой не доказывает, как трудно писать не на природном своем языке... И так — Ломоносов был не первый сочинитель русской грамматики!"

Позже, в 1855 году, в предисловии к академическому переизданию грамматики Ломоносова (по поводу столетия ее) ак. Ив. Давыдов уже без всяких вздохов сожаления отнимает у Лудольфа звание „автора первой русской грамматики". Он объявляет: „Эта грамматика выписана из Смотрицкого и наполнена всякого рода ошибками... Как мало знал Лудольф язык наш, можно видеть из след. строк"...[1] — и приводит те же, что у Каченовского примеры, только в меньшем количестве. А после ак. Давыдова установилась уже традиция неверных, пренебрежительных и поверхностных суждений о Лудольфе, традиция, к позору русской филологии, продержавшаяся до наших дней.

---

[1] Грамматика русского языка академика М. В. Ломоносова 1755 года. Издана II отдел. Импер. Академии Наук в воспоминание столетия русской грамматики. СПБ, 1855 г., стр. XVI-XVII.

повторяет „установленное“ и одобренное академией мнение о несостоятельности попытки Лудольфа.

„В какой-нибудь год жизни в России Лудольф не мог приобрести настолько прочное знание нашего языка, чтобы выполнить с честью подобный труд. Образчики знакомства с русским языком, заключающиеся в его книге, слишком явно обнаруживают самую слабую с его стороны подготовку для такого предприятия“. Следуют еще раз те же примеры, а затем повторено и „оригинальное“ утверждение Давыдова — в такой форме:

„В своей грамматике он ограничился лишь буквальными выписками из Смотрицкого, наполняя их нередко самыми грубыми измышлениями и ошибками против форм и требований нашего языка.“

Я покажу дальше, что это утверждение ложно и свидетельствует только о непонимании книги Лудольфа, о небрежном чтении ее, полном отсутствии исторического чутья, словом о диллетантизме академика Давыдова, Чудинова и примыкающих к ним.

Ив. Балицкий в 1876 г.[2] с решительностью невежды объявляет измышлением П. Строева особое подносное издание грамматики Лудольфа с посвящением Петру I. Перефразируя своих предшественников он утверждает:

„Лудольф мало знал русский язык. Доказательством может служить сделанный им перевод по русски латино-немецких разговоров, помещенных в его грамматике“. (Разрядка моя *Б. Л.*). Приводятся традиционные примеры.

В заключение Балицкий выписывает длинную латинскую цитату из книги Фриша, ближайшего продолжателя и последователя Лудольфа по пропаганде русского языка в Западной Европе, о появлении при Петре I первых книг на русском (а не славянском) языке в России. К последнему абзацу этой цитаты: Grammaticae D-r Ludolfi supra mentionem fecimus; aliam, quae alicujus momenti sit et dialecti Russicae regulas accuratius tradet, nondum vidi.[3]

— Балицкий делает такую реплику:

„Пели, стало быть, с голоса Лудольфа, о грамматике которого см. выше“.

Свидетельство Фриша, лучшего знатока русского языка в Зап. Европе в первой четверти XVIII в. (выпустившего целый ряд исследований о русском языке, обучавшего русскому языку Лейбница), — о большой научной ценности книги Лудольфа для

---

[1] О преподавании отечественного языка. Очерк истории языкознания в связи с историей обучения родному языку. Воронеж, 1872, стр. 186—88.

[2] *И. Балицкий.* Материалы для истории славянского языкознания. Литература исследований о церковно-славянском и русском языке на иностранных языках с XVI в. по 1872 г. Киев, 1876, стр. 12—15.

[3] Перевод: „Мы уже упомянули выше о грамматике Лудольфа; другой грамматики, которая имела бы какую-нибудь ценность и излагала бы точнее правила русского языка, я не знаю“.

того времени — заставляет [illegible] исследователя, не лишенного исторического такта и метода, внимательно изучить эту книгу и раскрыть ее историческое значение. Но лингвисты прошлого века, да и некоторые современные оказались на это неспособными.

Осторожней других, но совсем мимоходом (в двадцати строках) высказался о переиздаваемой нами книге ак. Ягич в 1910 году[1]: „Автор книги умел хорошо различать разговорный русский язык от литературного церковно-славянского... Главным источником для Лудольфа была грамматика Смотрицкого... Русские выражения довольно неуклюжи...“

Ак. Соболевский, ак. Шахматов игнорируют Лудольфа.

Особняком стоит в нашей дореволюционной литературе только один критический отзыв. Решительно отступает от дурной традиции старой лингвистики проф. С. Булич в 1893 году.[2] Среди всех доломоносовских грамматистов он выделил Г. В. Лудольфа, „который является первым ученым, отличавшим великорусский язык от церковно-славянского и обратившим внимание на их разницу в написанной им первой грамматике живого великорусского языка“ (стр. 59). Длинные цитаты из этой книги проф. С. Булич заключает такими указаниями (стр. 62 сл.): „Лудольф впервые обращает внимание на русское полногласие, на соответствие начального о старославянскому ѥ; на русское ч на месте ст.-сл. шт=тj, кт, гт, т. е. на главные фонетические отличия русского языка. Пропущено только соответствие русского ж и старославянского жд. В области морфологии от внимания Лудольфа не ускользнуло в русском распространение... основ без „смягчения“ заднеязычных и на падежи, где это „смягчение“ имеется в старославянском („russice vero языки“...). Указано также на различие окончаний родительного падежа местоименного склонения в русском и старославянском, на отсутствие в русском звательного падежа, на неимение аориста и замену его новой, вторичной формой. Лудольф обращает внимание и на синтаксические разницы в управлении падежей известными предлогами, хотя и ошибочно в данном случае, а также и на некоторые лексические особенности“. Дальше путем сопоставлений Булич показал, что „наблюдения Фриша не представляют почти ничего существенно-нового в сравнении с тем, что сказано было о данном предмете Лудольфом“ (стр. 63).

В этих строках впервые Лудольф получил справедливую оценку, что обусловлено было **историческим** изучением его труда. Верные взгляды Лудольфа на языковые отношения Московской Руси XVII в. не только поражают своей исключительностью на фоне лингвистической литературы того времени, но

---

[1] *И. В. Ягич*. История славянской филологии. Энциклопедия Славянской Филологии. Вып. I, СПБ. 1910, стр. 66.

[2] В диссертации: *С. Булич*. Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке. Записки историко-филологического факультета С. Петербургского университета, ч. 32, СПБ, 1893, стр. 57—63. Мельком упоминает о Лудольфе Булич и в позднейшей работе: „Очерк истории языкознания в России“. 1904, стр. 190 сл.

истории русского языка, как [illegible]
и умного современника. Нельзя оценивать их — исходя из того, что мы предполагали или утверждали независимо от книги Лудольфа на основе изучения языковых памятников его эпохи, т. е. в меру новизны, неожиданности его наблюдений. Еще менее допустимо дискредитировать те положения и замечания Лудольфа, которые расходятся с нашими привычными и на известном нам материале оправданными взглядами. Точность, меткость и глубина целого ряда никем не оспариваемых утверждений Лудольфа заставляют с большой серьезностью, с доверием отнестись и к остальным его показаниям, и к тем, которые кажутся сомнительными.

Но, понятно, надо со всей критической взыскательностью и проницательностью вскрыть его ошибки, ибо ошибки есть. А до недавних пор за ошибками Лудольфа не видели у него важных и ценнейших данных, ошибки его наши лингвисты преувеличивали в меру своих скудных или ложных представлений о русском языке XVII в.

В самое последнее время о книге Лудольфа высказывались два лингвиста: Н. Кульман и проф. С. П. Обнорский.

Статья Кульмана,[1] представляет компромисс, некоторое отступление от старых позиций.

Правильно оценивает Кульман (стр. 405) недовольство Лейбница книгой Лудольфа в письме к Спарвенфельду (1696)[2]: Leibnitz était bien de son temps: ce qui lui parait un défaut fait au contraire à nos yeux le prix de l'ouvrage de Ludolf.»[3]

Указывает Кульман и на крайне неблагоприятные условия печатания книги, объясняющие большое число опечаток и замечает, что нельзя из-за опечаток недооценивать ее содержания.

С этим нельзя не согласиться. Но статья в целом не имеет научного значения, в ней есть ошибки, ее материал не соответствует назначению. Так, подтверждая лексические показания Лудольфа, Кульман приводит пестрый и довольно случайный материал параллелей — то из современных диалектов, то из позднейших писателей (Державина, Достоевского, Соллогуба, Бунина), и в двух случаях из более древних памятников (из Софийского

[1] *N. Koulmann.* La première grammaire russe. Le Monde slave. Revue mensuelle. Novelle série. IX-e année. T. I, Paris, 1952, № 3. Mars. p. 400—415.

[2] *Leibnltil.* Opera omnia. V. 544. Geneve 1768.

[3] Перевод: „Лейбниц был сыном своего времени: что ему казалось недостатком, в наших глазах составляет ценность сочинения Лудольфа". Письмо это цитировал еще А. Чудинов (Очерк истории языкознания. 1872. стр. 1[illegible]4): „Грамматика г. Лудольфа мне кажется так же, как и вам, слишком тощей, и так как он говорит, что какой-то славянский язык в Московии есть язык ученых, то было бы хорошо сказать о том немного более и сравнить его с разговорным языком московитян. Следовало также присоединить к книге небольшой словарь". Кульман замечает по этому поводу, что славянских грамматик и без Лудольфовой было достаточно, а вот по разговорному языку это первый труд. Добавим, что краткая фразеология Лудольфа дает гораздо более важный и драгоценный материал, чем огромные словари, напр. Епифания Славинецкого (с которого переписан словарь Спарвенфельда) и позднейший — Федора Поликарпова.

Временника и Никоновской летописи), но ни разу из текстов, современных Лудольфу.

Как пример кустарных лексических разысканий проф. Н. Кульмана, приведу одну выдержку (стр. 412):

„Лал—у Срезневского ошибочно: род яхонта желтого цвета. По Лудольфу — рубин. Сравни скороговорку: Ал лал, бел алмаз, зелен изумруд. У Сумарокова: „Лицо кристалл и лал". Ф. Сологуб: „Белее лилеи, алее лала"...

Если бы Срезневский был прав, желтизна была бы одним из признаков красоты человеческого лица, но, как известно, славяне не восхищаются желтым цветом, как цветом человеческой кожи."

Этот импрессионистический и занимательный стиль статьи иногда вводит в грех Кульмана. Вот его объяснение путешествия Лудольфа в Московию (стр. 401):

„Тот факт, что эта страна страшно интересовала англичан наводит нас на мысль, что Лудольф предпринял свое путешествие, если не по побуждению, то по крайне мере с одобрения его высочайших покровителей; возможно даже, что бывший секретарь получил какое-то тайное поручение. Если вспомним об утрате Московской компанией в начале 17 в. торговых привиллегий, перешедших к голландцам..., то, мне кажется, логично будет предположить, что ему было поручено зондировать почву для каких нибудь новых переговоров. Как бы то ни было, он прибыл в Москву и предпринял оттуда несколько поездок по стране, в частности в бассейн Волги".

Если бы Лудольф действительно был неоффициальным послом английского двора и вел бы предварительные переговоры о торговом соглашении, то об этом наверно сохранились бы и русские записи и сведения зорких и ревнивых иностранных резидентов. Никаких следов этой тайной его миссии нигде не сохранилось. Не имела его поездка и прямых политических последствий. Правильнее считать эту поездку частным делом Лудольфа, а тот интерес к русско-европейской (не только и не исключительно русско-английской) торговле, какой можно подметить на страницах Grammatica Russica следует объяснять не внушением английской королевы, а классовыми его интересами, которые сказывались даже вопреки субъективным намерениям и идеям Лудольфа. Напоминаю, что сам он видит и в этом и в других своих путешествиях, и в составлении грамматики и в других своих книгах служение богу,—высокую религиозную цель.

Что же касается предполагаемой Кульманом поездки Лудольфа по Волге, то она так же мало правдоподобна, как и покровительство князя Бориса Куракина, которым он объясняет успех Лудольфа при русском дворе в 1693 году.[1] Скорее всего Н. Кульман спутал здесь кн. Бориса Куракина с кн. Борисом Голицыным (который действительно был покровителем Лу-

[1] „En tout cas, il fut particulièrement accueilli par le prince Boris Kurakin, ce qui lui permit d'être reçu dans la haute société et à la cour". (p. 403).

кн. Борис Куракин был еще ... не при-
лежал к придворному кругу, а потому и не мог никому оказывать покровительства.[1]

Самым важным в статье Н. Кульмана является сообщение о найденном им среди рукописей Bibliothèque de l'Arsenal переводе грамматики Лудольфа на французский язык. Вот все, что он об этом сообщает (p. 403): „Il existe à Paris, à la Bibliothèque de l'Arsenal, un manuscrit du XVIII-e siècle, provenant de la collection du marquis Paulmy d'Argenson, et qui offre, sous le titre de Grammaire russienne, la traduction de la majeure partie de la grammaire de Ludolf.[2] On voit... combien cette grammaire a intéressé les contemporains de sa publication.

Note. Manuscrit № 8801. La partie de ce manuscrit, qui diffère du texte de Ludolf offre une essai d'adaptation à des habitudes françaises de la déclinaison et de la conjugaison russe. A la place de 5 déclinaisons, qu'on trouve chez Ludolf, le manuscrit en donne 20. Son système de conjugaison est artificiel, compliqué et confus. Néanmoins, cet essai meriterait une étude technique".

Нельзя не пожалеть, что до сих пор не издана и не исследована эта очень ценная и для истории книги Лудольфа и для истории русского языка рукопись.

О статье проф. Обнорского (о „Грамматике Лудольфа")[3] я могу пока сказать только одно: она показывает, что отрицательное отношение к книге Лудольфа, так широко проявившееся у лингвистов прошлого столетия, но не обоснованное сколько нибудь убедительно, держится еще и до наших дней.

---

[1] Кн. Борис Иванович Куракин родился 20.VII. 1676 г. В 1693 году ему было 17 лет. Заметным лицом при дворе, как дипломат, он стал только после 1707 года. Вот что сообщает он сам о тех годах жизни, когда Лудольф был в Москве (цитирую его автобиографию, озаглавленную „Vita del principe Boris Kourakin", напечатанную в Архиве кн. Ф. И. Куракина т. I стр. 244—287. (1890). На стр. 251 сл. читаем):

„— 1692—1693 г. — А я в ту пору был во гражусе со спальниками, а не с начальными людьми. 1693—1694 апреля после Св. недели пошли водою (на войну с турком)... И в тот поход я... пошел в Семеновском полку, в первой роте прапорщиком, а написан преже того толко за два месеца. И того года был под Азовом... и к Николину дню приехал в дом свой (т. е. к 6. XII. 1694).

— 1694—1695 (март). И в тот поход, другой Азовской, я был в порутчиках у первой роты, в команде полковника Чамберса".

Едва ли даже встречались в эти годы Лудольф и кн. Борис Куракин.

[2] „В библиотеке Арсенала в Париже существует рукопись 18 века из коллекции маркиза Польми д'Аржансон, под заглавием „Русская грамматика", — представляющая буквальный перевод большей части грамматики Лудольфа. Можно заключить... как интересовала эта грамматика современников ее публикации.

„Примечание: Рукопись № 8801. Та часть рукописи, которая не совпадает с текстом Лудольфа, представляет попытку изложения русских склонений и спряжений на французский манер. Вместо 5 склонений Лудольфа тут дается 20. Система спряжения тут искусственная, сложная и путанная. Тем не менее эта попытка заслужила бы специального исследования".

[3] См. сборник трудов ЛНИЯ „Советское языкознание", т. III. 1937. Статья появилась, когда эта книга была уже подписана мною к печати; в несколько иной редакции она была мне известна по докладу, прочитанному С. П. Обнорским в 1935 г.

Книга Г. В. Лудольфа вполне оригинальна не только в разделе фразеологии, в описании природных богатств и населения России, но и в грамматическом разделе. Утверждение ак. Давыдова и прочих о полной зависимости от книги Мелетия Смотрицкого — ложно, и объясняется невнимательным чтением Лудольфа, а также плохим знакомством с грамматикой Смотрицкого.

Г. В. Лудольф поместил перед *своим* изложением русской грамматики объяснительный перечень терминологии славянских грамматик (разных, а в том числе и Смотрицкого) *„для тех, кто хочет изучать славянскую грамматику“*, как сказано в заголовке этого раздела книги. Кроме этого полезного, вполне уместного добавления к своему труду — Лудольф ничего не выписывает, не заимствует у Мел. Смотрицкого, да и грамматической традиции он следует только в классификации склонений, но и тут больше влияют общие для Лудольфа и авторов наших грамматик — латинские и греческие образцы (Донат, Ласкарис), чем славянские грамматики. Об изучении нескольких славянских грамматик Лудольф сообщает сам, а сомневаться в словах этого ученейшего человека, всегда точного и добросовестного в своих утверждениях, у нас нет никаких оснований. К тому же и от греко-латинской схемы Лудольф ушел в своей грамматике дальше, чем Смотрицкий, показав этим свою большую лингвистическую одаренность и образованность.

В своих записях Лудольф выказал тонкий слух и емкую память, а в системе изложения грамматики—самостоятельность и смелость.

Он первый противопоставил русский язык старославянскому, как язык вполне годный, зрелый и более потребный для литературно-книжного употребления, тогда как ни один из его предшественников не оказался способен признать самостоятельность русского языка, но еще важнее то, что Лудольф без ошибки провел это разграничение через всю грамматику. Еще шестьдесят лет после его книги—до появления грамматики М. Ломоносова— у нас будет господствовать путанное и сбивчивое учение о спекулятивно-построяемом славяно-русском языке, мертвом, далеком от разговорного языка, и от языка книги и документа первой половины XVIII в.; язык „Славянских грамматик“ — это идеализированный язык церковных книг. А Лудольф дал подлинное описание разговорного языка Московии и создал при этом собственную и очень удачную для первой попытки грамматическую схему. Очень слабое подражание книге Лудольфа представляет маленькая книжечка Ильи Копиевича (Амстердам, 1706 г.) „Руководение“... (Manductio in grammaticam in Sclavonico-Rosseanam), из которой мы перепечатываем во II приложении этой книги все ее диалоги. Немало русского языкового материала — при объяснении славянских слов — вводит в свою грамматику Федор Максимов (Новгород Великий, 1723), и тем делает ее наиболее ценной и интересной из всех грамматических книг после Лудольфа и до Ломоносова.

демической критики о „переписывании" из Смотрицкого и приведу несколько примеров.

Не говоря уж о первых двух изданиях грамматики М. Смотрицкого, даже в третьем — московском 1648 года — вы найдете в главе о союзах только такие: *„аще, ащебо, аще убо, аще ли аще же, аще бы, небы, поне, зане, егда, еже, воеже... чи, чили, бовем, теды и прочая"*. Вместо всего этого у Лудольфа вы видите совсем другие союзы:" *да, и, что, что бы, естли, будет, потому что,"* — которых нет ни в одной из предшествовавших ему грамматик.[1]

Откройте главу о наречиях у Смотрицкого (издание 1648 г.) и читайте: *Сюдѣ, тудѣ, ѻ́нудѣ, онуду, прежде, неже"* и т. д. и т. д., но не встретите вы там ни одного из тех русских наречий, какие собраны у Лудольфа; — вот его материал: *„гораздо, насилу, впредки, поздо, точась, третьеводни, тяперь, вмѣстѣ, вдругъ, втѣпорѣ, покамѣстъ, тутъ"* и т. д. У Мел. Смотрицкого не приведены такие предлоги, как *„для, без, против, опричь* и др., — впервые зарегистрированные в грамматике Лудольфом. Нельзя не указать на прекрасный подбор примеров употребления предлогов, особенно предлога *„за"* в 1-м диалоге у Лудольфа.

Лудольф сумел отбросить такие негодные элементы грамматической традиции, как „причастодѣтїе", выдуманное по образцу герундива классических языков (примером в славянских грамматиках его предшественников служат такие прилагательные, как *„читателен, -льна, -о"* и подобные). Нет у него и деепричастия в понимании Смотрицкого, относящего сюда все нечленные формы именительного пад. единствен. числа мужеского рода причастий: *чты, читая, читав, прочтущ, чтом, чтен, читаем, читан, читкан, прочтен, прочтом.* Нет у Лудольфа и мнимых русских причастий будущего времени, а только Participia præsentis et præteriti. Лудольф дал смелый по новизне и верный в основном анализ форм русского глагола. Он отметил важную роль глагольных приставок, выбросил из схемы залогов Смотрицкого „отложительный" (выдуманный по образцу латинских и греческих deponentia) и „общий" (того же происхождения), зато он первый указал в русском языке и ввел в свою схему reciproca — „взаимный залог". Вместо ложного у Смотрицкого различения „сослагательного" наклонения (*„далъ бы*) и „подчинительного" (*„аще бы хотѣлъ*"), Лудольф устанавливает один Subjunctivus, образуемый присоединением частицы бы. Так же и вместо двух: *„молительного"* и *„повелительного"* (первое у Смотрицкого — на манер греческого оптатива) Лудольф выставляет только один Imperativus. Вместо шести времен Смотрицкого (*настоящее, прехоящее, прешедшее, мимошедшее, непредельное, будущее*) — опять таки списанных им из греческой грамматики Ласкариса — Лудольф

---

[1] Маленькую свою главу о союзах Лудольф заканчивает примером, — прекрасной русской фразой: „что болши живешь, то болши слышишь". Этот пример, как и другие, свидетельствует об умелом выборе материала.

устанавливает только три: настоящее, прошедшее, будущее. Напомним, что еще в 1755 году Ломоносов путал времена и виды, а потому насчитывал десять временных форм русского глагола. Лудольф констатировал отмирание двойственного числа в склонении и спряжении, совпадение формы звательного падежа с именительным в русском языке. Он сделал первую попытку собрать русские безличные глаголы. Он самостоятелен и в выборе слов для грамматических парадигм.

Верно определил Лудольф окончание предложного падежа существительных мужеского рода -у, как свойственное „чисто русским словам", в отличие от книжных форм на -ѣ; не смешал он (как говорит один из его критиков) русское окончание родит. пад. ед. ч. прилагательных со славянским, а как раз строго различал их—бѣлово: Единороднаго (стр. 72 — в цитате из евангелия). Он остановился на вопросе об употреблении кратких и полных форм прилагательного в именительном падеже, хотя и не мог вполне разрешить его, да ведь и сейчас этот вопрос еще недоработан у нас. Он первый указал на различие в употреблении местоимений „сей" и „етой" (о последнем не упоминает ни одна грамматика от Мел. Смотрицкого и до Фед. Максимова). Никто до Лудольфа не констатировал русского перфекта без глагола-связки и будущего с вспомогательным глаголом „стану". Нельзя ставить в вину Лудольфу, что он не разобрался в видовых формах русского глагола. Сколько нибудь правильное учение о видах вырабатывается у нас очень медленно только в XIX веке, мы и сейчас еще стоим перед неотложной задачей глубокого пересмотра этого вопроса, почти не продвинутого со времен исследований К. Ульянова. Ломоносов тоже не сумел уяснить систему видов, отчего же тогда и его не обвинять в незнании русского языка!

Все заслуги Лудольфа в глазах некоторых наших ученых заслоняются множеством опечаток оксфордского издания. Полным отсутствием исторического понимания только и можно объяснить это. Книгу Лудольфа печатали люди настолько же осведомленные в русском языке, как наборщики Ленинградского „Печатного Двора" в абиссинском или чукотском языке. Лудольф не упрекает их. Но вот его современник, упомянутый уже не раз Илья Копиевич (seu de Hasta Hastennius) в предисловии к Латино-русской грамматике, напечатанной в Амстердаме в 1700 году, пишет (стр. 7 сл.): „Умолчю же нынѣ о неразумивихъ типографѣхъ, которих учити нужда бысть мнѣ самому, и ихъ ради неумѣлости во мнозѣ прегорчих душу мою, и во мнозѣ отщетихъ ся... Но понеже в напечатованiи сея книги от неумѣющых типографовъ нечто погрѣшено есть, в повторенiи совершенномъ... сея книги вся изобразимъ."[1] Второго издания книги — исправленного, „совершенного" не удалось выпустить ни Копиевичу, ни Лудольфу. В списке опечаток у Лудольфа, помещенном на остатке страницы под

[1] Даже в приведенных строках предисловия типографы сделали две опечатки: „*Высть*" вм. *бысть* и „*изоврази.мь*" вм. *изобразимь*.

оглавлением и потому чрезвычайно кратком [он доведен только до 38 страницы т. е. меньше чем до половины книги] сделана одна новая опечатка „*pag.* I, *lin.* 13. *pro союзъ lege зоюзсъ*". В большинстве случаев опечатки могут быть исправлены без всяких колебаний благодаря наличию в этом же тексте случаев правильного набора данного слова, так отрицание „и е" (стр. 45) при неоднократном „н е" мы выправляем сразу; подобным же образом: „п о г р ѣ в ѣ",— если видим в предыдущей фразе: „п о г р е б ъ" (стр. 45), исправим „в з а л ъ" (стр. 36), если рядом стоит: „взять". Исправим „в у м н е" на „к у м н е" (стр. 44) и „в у ш е н и е" на „кушение" (стр. 52) т. к. на стр. 49 читаем: „кушениемь", исправим: „п о р м и л" на „кормил" (стр. 54), т. к. в предыдущей строке читаем: „к о р м и л" и „т о в о р ѧ д и" (42) ср. „д л ѧ р а д и" (67), „т ѧ р е р" (56) при неоднократно встречающемся т ѧ п е р ь (40 и др.) и т. д. Нельзя ставить на счет Лудольфу и неправильную разбивку слов, как: „т р е т и е в о д и и" (40), „ч е л о м б ь ю" (53) при „челом бью" (47, 49) или „черно сливк" (87). Но надо видеть прием самого Лудольфа в отдельном написании — сѧ возвратных и взаимных глаголов, в слитном написании частицы л и (давноли 43, крылоли 52, домали 55, лучели 61, скороли 69 и под.) в написании д л я ч е в о (41, 54, 68).

Есть конечно бесспорные недосмотры и ошибки у Лудольфа, в которых он и сам повинен, напр. „ж и в е т з а г о р о д ѣ", (46) вм. „г о р о д о м ъ"; „с т е л и с к а т р е т ь" (49), „т ы р а н о с п а т ь л е ж и ш ь" (54), у м р е т и н е с т а н е ш ь — non morieris (66), в ы п л о щ а и ш т е к а н ъ (50), о ѣ с т в о м ь и п и т і и (48), (хотя на стр. 42 правильно указано, что предлог „о" управляет предложным падежом, какой и дан тут рядом: „питіи"), неверно латинское: r a n a — елень — Rennthier (90), хотіѧ (54) при правильном написании „хотѧ" на стр. 58.

Трудно сказать, кому принадлежат такие ошибки в единично встречающихся словах, которые могут быть объяснены влиянием (аналогией) написания соседних слов. Напр. в словарике читаем столбец из 10 слов на ъ (на стр. 90), а в числе их ошибочно и „крыса":

	Ежъ	Также на стр. 89:	Лисица
	мышъ		песца...
	крысъ		...куница.
	кротъ		

Лудольф мог ошибиться в определении рода песецъ, но, возможно, что в рукописи было правильно, напр. к р ы с а, а „неразумивии типографы" внесли в этот столбец, по своему почину, бо́льшее единообразие форм, чем того хотел автор книги. Напомню опять, что и современные наборщики и корректора часто „помогают" автору именно таким образом.

IV

Есть ли основания утверждать, что книга Лудольфа возникла не в результате наблюдения и записей живого языка (как я думаю), а путем кабинетного перевода латинских или немецких фраз на русский язык?

Нет. Это опровергается целым рядом доказательных доводов.

Единственным основанием такой гипотезы (кроме плохого знания материалов по разговорному и литературному языку конца XVII в., обусловившего субъективное предубеждение против свежих и ярких данных Лудольфа) является наличие нескольких латинизмов и германизмов в русском материале книги Лудольфа. Я приведу их, но наперед скажу, что все они не имеют никакого значения и не могут влиять на оценку и понимание книги, т. к. они совершенно очевидны для исследователя, немногочисленны и объясняются совсем иначе, чем думал Балицкий и примкнувшие к его „теории".

Несколько фраз, понадобившихся для живости, связности диалогов и не найденных среди непосредственных записей, не запомнившихся Лудольфу, могли быть, действительно, сочинены им в 1694—5 году в Лондоне при окончательном редактировании книги; но недопустимо по поводу этих нескольких вкраплений дискредитировать всю книгу, вместо того, чтоб выделить их и не учитывать при использовании материалов ее, как источника по истории русского языка.

Еще две-три фразы могли быть записаны в немецкой слободе от иностранцев, не совсем чисто говоривших по русски.[1] Но подавляющее большинство данных книги не может быть опорочено или заподозрено и должно быть принято нами с полным доверием.

Лудольф был полиглот, совершенно исключительный для своего времени. Кроме родного немецкого — он с высоким совершенством владел еще английским языком, на котором написал большую часть своих сочинений. „Русскую грамматику" он написал по латыни. Его латынь совершенно безукоризненна, больше того, он мастер латинского стиля. Письма он пишет между прочим и по итальянски, причем опять таки на хорошем итальянском языке. Кроме того, он слывет знатоком древне- и ново-греческого, древне-еврейского, арабского и турецкого. Наконец, и русский язык он изучил довольно хорошо. Основой всего этого богатства языковых навыков были немецкий и английский. „Акцент" этих языков чуть-чуть сказывался вероятно при употреблении всех остальных. Мы обнаруживаем этот „акцент" и в его русском языке. Самое восприятие и звукового состава и строя русской речи обусловлено немецко-английскими нормами. Когда Лудольф указывает:

стр. 12: Genus omne non habent, nam adjectiva tribus terminationibus constant (Всеобщего рода у них нет, так как прилагательные употребляются с тремя родовыми окончаниями).

или — (стр. 11) Magnam Nomina habent difficultatem in declinationibus. Non enim declinationes per certos tantum articulos cujuslibet casus fiunt, uti in maxima parte vernaculorum Europæ, sed casus a se invicem terminationibus differunt, uti in lingua latina et

---

[1] Такова, напр., контаминация „свидаться" (47,59), употребляемая вм. „видаться" и „свидеться".

græca. (Очень трудны склонения имен, т. к. образуются они не падежными формами членов, как во всех почти туземных европейских языках, а посредством изменения окончаний, как в латинском и греческом) или (стр. 28) Verbis auxillaribus ad formationem præterili non utuntur sicuti reliquæ Vernaculæ Europæ. (Они не пользуются вспомогательными глаголами для образования прошедшего времени, как другие туземные европейские языки).— то не может быть сомнений, что русский язык он мысленно сравнивает тут прежде всего с английским, а затем, возможно, и с немецким языком.

Когда внимание его сосредоточено на фонетике, он воспринимает ее очень точно. В первой главе книги он дает ряд фонетических транскрипций русских слов, поражающих своей точностью. И только несколько деталей произношения ускользает от него, — именно те детали, какие совершено несвойственны английскому и немецкому языку. Он не всегда улавливает (и обозначает) различия палатализованных согласных от твердых— на конце слова: дасть 65, память 67, кремень, огонь 84, ночь, день, осень 83, ртуть 85, честь, власть 78 (однако: milost, kost, tschest, utschitel, koren, Gossudar, teter, Gospod), но он обозначает палатализацию внутренних согласных (blagodariu, sliuda, sviat, voscresenie). Сложность соотношения двух английских l (среднего и заднеязычного) с двумя русскими „л", т. к. английское среднее „l" иногда может акустически приближаться к нашему твердому „л", иногда к мягкому, (а нашего мягкого Лудольф, наверное, практически и не усвоил), — с другой стороны отсутствие в английском правописании четкого графического различия для двух типов „l"—повело к тому, что он делает немало ошибок в передаче „л" мягкого русских слов: *klukva*, *korostel*, *земланицы*, *малыны*, *стелу*, *слышкомъ*, *постелу*, *землы*, *землах* и под.[1] Звук ы под ударением, как все иностранцы с острым слухом,[2] Лудольф воспринимал как дифтонг ui: *нынь — nuine*, *пытать — puitat*. Но в безударном положении он смешивал ы с и: *tsinga*, (*— цынги*), *кстини*, *женщини*, *оыны*, *ландпшной*, *ал'ти думаешь* (р. 59), но чаще „*ты*".

В написаниях Лудольфа: *новие*, *которие*, *различние*, *простие* — надо видеть правильное восприятие фактов языка. Рядом с *куда*, *суда*, *туда*, *о*т*куда*, *о*т*суда*, *о*т*туда* (все на стр. 41) — встречаем у Луд.: *суди*, *туди*, *куди* (44). Но это не ошибки, — очевидно таково было северно-русское произношение, ср. древне-русские *кудѣ*, *тудѣ*.

Как правило, Лудольф прекрасно различает русские глухие и звонкие, (в фонетических транскрипциях нет ни одной неточности), но там где внимание было отвлечено от фонетики, он мог допустить оплошность. Надо сказать, что таких его промахов

---

[1] Некоторое значение имело и то, что в русской орфографии того времени мягкость л обозначалась только перед гласными.

[2] Ср. в работе *Alfr. Schmitt*. Akzent und Diphthongierung. Heidelberg, 1931, s. 72 ff.

удивительно мало: *roschestvo, uloschenie,*[1] *та* (вм. *да*) 68, *хосяинъ* 48, *trachva* 94, *трахва* 89 (вм. драхва), *Баренъ* (вм. парень) 50. Сюда нельзя отнести слово *щуга* (стр. 87), т. к. оно написано по аналогии (в перечне рыб) после: *бѣлуга, семга.*

Мягкость конечных согласных обычно не обозначена Лудольфом, но это стоит в связи с отсутствием регулярного обозначения ее в письме и печати московских книг и рукописей того времени. Окончание инфинитива, напр., как правило писалось и печаталось тогда выносной буквой „т" без ерика, а ок. 3 л. ед. ч. наст. врем. с тою же выносной (надстрочной) „т" без ера. Лудольф все инфинитивы пишет с окончанием — тъ. Он пишет и лошадь (89) и лошадъ (45). Рядом с барсъ в словаре читаем рысъ (89), как рядом с лошадь — быкь (89). Это внесено, я думаю, при печатании книги. Все это нимало не снижает ее ценности, т. к. никого не вводит в заблуждение.

Так же легко снимаются с нашего учета единичные явные германизмы и латинизмы в русской фразеологии Лудольфа (замеченные в небольшом количестве еще Каченовским и потом постоянно используемые против Лудольфа). Привожу их:

Стр. 50: Чем тебя потчивать? *Съ* пивом... (*Mit* Bier).

Стр. 61: Мало забавы *за* иноземца. Da ist wenig zeit vertrieb *fur* einen frembden.

Стр. 61: Как тамошние люди проклажатъ ся? *Со* всяческими играми. *Mit* allerhand spielen.

Стр. 47: Для чево ты вчерась *не ку мнѣ* пришолъ? (вм. ку мнѣ не...) Quare heri *non ad me* venisti?

Стр. 52: Не боися еще я никово пияново напоилъ. (нет 2-го отрицания)... adhuc neminem ebrium reddidi.

Стр. 57: Вели *дѣвку* постѣлу слать. Jube ancillam lectum sternere (Accusativus cum Infinitivo).

Стр. 65: *Нечемъ* дѣти не кормишъ. *Nihilo* liberos non alis. (вм. „детей не (на)кормишь").

Стр. 66: О[т] етои немочи *умрети не станешъ.* An dieser Kranckheit *werdet ihr nicht sterben.*

Совершенно правильную фразу 58: „*Какъ бы ты не замешкалъ, такъ бы ты назадъ былъ прежде* чем *я всталъ*" в Лондоне, то ли сам Лудольф, то ли „неразумнии типографы" англизировали пропуском слова „чем" (You would be back before I got up) Наконец еще две оплошные фразы я отношу на счет москвичей из немецкой слободы, ибо они даны как варианты правильных русских конструкций:

Стр. 51: Буди здоровъ, *на* твое здоровіе (вм. *за*)... *auf* euere Gesundheit.

Стр. 43—44: Давно ли ты *съ* Москвы?

...Вчерась онъ *от* Нова города приѣхалъ (... *von* Novo grod).

К этой же категории, вероятно, надо причислить и ошибки в употреблении видовых форм.

[1] Надо однако принять во внимание, что написанием sch Лудольф передавал ж, а не ш, т. к. более подходящей транскрипции он не знал, а написания „алмасъ" 84 „дрость" (дроздъ) 88 — надо считать фонетическими.

Вот и все „сомнительные“ данные Лудольфа. Остальные инкриминируемые ему фразы надо понимать как верное отражение разговорной речи Москвы, Новгорода и других городов, где побывал Лудольф. Эта разговорная речь была не „чистой“, сильно отличалась не только от высокого стиля тогдашнего литературного языка, но и от разговорного языка образованных людей XVII века. В разговорной речи разных классов общества, с какими общался и от каких учился русскому языку Лудольф, в конце XVII века было немало украинизмов, полонизмов, германизмов. Северно-русские и южно-русские элементы словаря, фонетики и морфологии тоже перемежались в этом смешанном городском разговорном языке. Все это не только не укладывалось в фальшивые схемы истории русского языка буржуазных лингвистов прошлого века, но и оскорбляло их шовинистически-пуристические языковые вкусы и предрассудки. Отсюда их раздражение против ни в чем не повинного Лудольфа и отрицание всякого исторического значения его показаний. Отношение к книге Лудольфа — лучшее доказательство классовой близорукости, неосведомленности и рутинной косности некоторых историков русского языка.

В конце латинского трактата Лудольфа о Московии читаем: Cum aliquando in puerum ejusmodi [Tartari filium] Russsice calientem incidissem ... interrogabam, quomodo Deum sua lingua vocaret, at ille *Bog u nas niet*, h. e. Deum non habemus. p. 97. („Когда однажды встретился я с таким татарченком, умеющим говорить по русски ... и спросил его, как он называет бога на своем языке, то он сказал: Бог у нас нет“).

Лудольф точно записал ответ, уловив даже деформацию, „акцент“ татарина!

В разных местах грамматики (14, 15, 16, 17, 20, 21, 28 и др.) и в предисловии Лудольф прямо говорит о непосредственных своих наблюдениях над живой речью и передает слышанные им фразы так же точно, как и приведенную только что реплику татарченка.

Вот два примера из грамматики.

a) стр. 17: Vocabula quaedam mere Russica genitivum et ablativum singularis formant in-у, ut члвкъ простово роду, homo generis plebeii. У нево въ дому пожаръ былъ, in ipsius domo incendium fuit четыри времена году, quatuor anni tempora. Обоево полу люди utriusque sexus homines.

b) стр. 28: Sum, es, est, plerumque omittitur, v. g. Я сытъ Sum satur. Алты дуракъ esne tu stultus онъ гораздо богатъ. ille est valde dives.

По этим ярким образцам превосходной наблюдательности, точной памяти лингвиста мы должны составить представление о самом процессе работы Лудольфа, о возникновении его книги.

Нигде в московских книгах или рукописях он не мог найти таких фраз, еще меньше он мог их выдумать для перевода латинских фраз; только непосредственное наблюдение опытного языковеда, хорошо знакомого с языком русской литературы XVII в. и отбирающего для своей грамматики преимущественно дифференциальный материал разговорной речи, — могло обогатить

его такими драгоценными фразеологическими данными. Никаких сомнений в *достоверности* подавляющего большинства его записей быть не может. У нас нет другого подобного этому источника по разговорному языку XVII века, да и всей допетровской эпохи. Этот источник давно заслуживает целой серии самых тщательных исследований.

Вся трудность—в приурочении записей Лудольфа к определенной социальной среде. Трудно это потому, что и собственные замечания Лудольфа и сам языковой материал ясно указывают на разнородность, разноклассовость осведомителей и объектов наблюдения Лудольфа.

Анализируя материалы Лудольфа, мы поневоле опираемся на свои представления о современных разговорных диалектах, причем у каждого исследователя тут возможно своеобразное представление о взаимоотношении диалектов XVII в. и современных. Едва ли кто нибудь решится утверждать, что группировка, состав и взаимоотношения различных социальных диалектов—в XVII веке и теперь—могли бы быть тождественны. А между тем в своей интерпретации Лудольфа некоторые ученые исходят из такой предпосылки: Кульман констатирует совпадение нескольких диалектных слов у Лудольфа с тверскими говорами и заключает отсюда, что Лудольф ездил в бассейн Волги. Другой исследователь говорит о „белорусском“ наслоении в языке грамматики Лудольфа, не допуская возможности, что эти мнимые белоруссизмы являются *полноправными московизмами для конца XVII века*.

Прежде чем сделать попытку исторической интерпретации текстов Лудольфа я должен еще вернуться к опровержению до сих пор повторяемой версии о переводе этих текстов „с латино-немецкого“(?!), как выражаются ее приверженцы.

Лондонский перевод латинских фраз, если бы он имел место, мог быть осуществлен *на книжный славянский язык*, а не на пеструю по диалектному составу стихию разговорного языка. Таковы были, например, упражнения в латино-русской фразеологии, сочиненные Ильей Копиевичем в Амстердаме в 1700 году. Примеры:[1]

стр. 394. Haec est vestis patris.	Сия есть риза отческа.
стр. 395. Est tenuae valetudinis.	Есть нѣжнаго здравия или нѣжным здравиемъ.
стр. 400. Quod mihi vitio vertis.	Что мне во грѣхъ вмѣняешь.
ib Dedit mihi pecuniam faenori.	Дал мнѣ денегъ вь ростъ.
— Dedi (!) mihi vestem pignori.	Даде ми ризу въ закладъ.
стр. 00. Magno malo hominibus est avaritia.	Ко великому злу людемь есть лихоимство.
стр. 513. Veni Wladimiriam.	Придох во владнмиръ.

[1] *Latina grammatica* in usum scholarum celeberrimae gentis Sclavonico-rosseanae adornata studio atque opera *Eliae Kopiiewitz* seu de Hasta Hastennii. Editio prima. Amstelodamii, M.D C.C.

(Сравните также диалоги из русской грамматики Копиевича, напечатанные мною во 2-м приложении).

Язык вот этих переведенных с латинского на русский фраз— однообразен, это книжный язык, он резко отличается от примеров и диалогов Лудольфа. Здесь нет сомнений в переводе с латинского. Но как можно объяснить при гипотезе о кабинетном сочинении книги Лудольфа сперва на „латино-немецком" языке—те черты разговорных диалектов, те отклонения от норм литературного языка и то смешение разнодиалектных черт, какое мы находим у него.

Почему он транскрибирует обычное в книгах титлованное написание: *ржство* как *roschestvo*, а не *roschdestvo* и *Слнце* как *Sontze*, а не *Solntze*, *срдце* — *sertze*, а не *Serdtze*. Почему наряду с „*Корова, голова, золото, овесъ, боранъ, кропива, отецъ, государь*" он помещает: *трахва* (т. е. дрофа́), *агурцы* 86, *палынъ, тяперь, тряска, тарелку* 51; *похнитъ* 40; почему он пишет: *тово, ево, ково, бѣлово* и под.; *слать, слалъ*; *крушку*; *севодни, хто, нехто, поже, луче, точисъ*. Откуда он взял начертания свидетельствующие о наличии редукции безударных (второй и третьей степени ослабления гласных: *поѣдит, моложи, болши, менши, четыри*; *ластичка*; *вѣстимъ, околъ, просъ, куши* (вм. кушай), *наши* (вм. нашей), *кушениемъ*. Как объяснить довольно многочисленные написания: *месецъ* 83, *ечмень* 86, *Sterlet, rebtschik* 94 — при: *девять, десять, пятдесятъ, заяцъ*.

Я полагаю, что никакого объяснения этой комбинации фактов не может быть дано без полного доверия заявлениям Лудольфа о записи им своих непосредственных наблюдений над „простой" бытовой речью московитов. Окончательно убеждает в правильности такой точки зрения анализ фразеологии Лудольфа. Ведь старая критика выхватывала по нескольку фраз оттуда в оправдание своего недоверия, но никогда не пробовала разобраться в материале Лудольфа и обосновать научно свои заявления.

Рассмотрим же несколько образчиков „сомнительной" русской речи в книге Лудольфа.

1. стр. 67: Родителя не велели меня грамотки учиться.
Parentes mei non curarunt, ut legere et scribere didicerim.
Meine Eltern haben mich nicht lassen lernen lesen und schreiben.

В русской фразе есть какой то дефект: либо ошибочно напечатано *учиться* вм. *учить*, либо *меня* вм. *мнѣ*. Я думаю, что и самая запись по памяти могла быть у Лудольфа такою (дефектною) в силу контаминации двух почти синонимических конструкций (*мне грамотки учиться*: *меня грамотке учить*). Но погрешность этой фразы ни в какой мере не обусловлена ни латинским, ни немецким текстом, от них эта фраза сильно отличается, как идиоматическое образование; если и предположить, что это не запись, а перевод с другого языка, то придется признать, что это перевод мастерской, доказывающий большое знание русского языка. Обращает на себя внимание форма „р о д и т е л я", перевод с параллельных языков ее не подсказывал.

2. стр. 66: Камчугъ часто наидетъ на меня.
Podagra saepe laboro.
Ich kriege offt das podagra.

Конструкции в каждом из трех языков тут разные, в русском тексте имеем независимый от других (иноязычных) текстов и вполне достоверный оборот. (Ср. „Наиде болезнь на того человека" Житие Нила Столбенского, 50 и 51. „Наиде потемнение умное" Кн. бесед Аввакума, 325).

3. стр. 66: Луче деньги въ кстини выкладивать.
Praestat erogare pecuniam in baptismum.
Es ist besser das geld auf die kind.tauffe wenden.

Каждая из трех фраз идиоматична. Русский текст не может быть признан сколком (калькой) ни с немецкого, ни с латинского.

4. стр. 50: Ренского у насъ нетъ, чемъ тебя потчивать?
Vinum non habemus, qua re tractabimus te?
Wir haben keinen wein, womit sollen wir euch track-tieren?

Обращаю внимание на слово „ренское"; при переводе и с латинского и с немецкого стояло бы слово „вино", широко употребительное в русском языке и широко засвидетельствованное текстами (начиная с XI века, а также и в XVII-XVIII веках).

5. стр. 50: Куди ты дѣлъ мои ножикъ?
Quid fecisti de cultro meo?
Wo hastu mein messer hingethan?

Здесь и „ножик" не вполне соответствует „cultro" и „messer", и „Куди" вм. обычного у самого Луд. „Куда" и „дѣлъ" — не подсказано ни „fecisti de" ни „hastu hingethan".

6. стр. 49. Дѣвка стѣли скатретъ.
Ancilla, sterne mensam.
Magdgen, decket den tisch.

Немецкий и латинский текст вполне совпадают, но русский самостоятелен и не мог быть переводом с них.

7. стр. 48-49. Изволишъ с нами хлѣба кушитъ? Черомъ бью, дѣло мнѣ.
Placetne tibi nobiscum comedere? Gratias ago, aliquid mihi agendum est.
Beliebet euch mit uns zu speisen? Ich bedancke mich, ich habe etwas zu thun.

Конструктивные и лексические расхождения всех трех пар фраз опять таки указывают на передачу смысла русской фразы средствами латинского и немецкого языков, а не на построение худо знающим русский язык иностранцем русской фразы для перевода-кальки немецкого или латинского оборота (Ср. „дѣло мнѣ", „хлѣба кушитъ").

8. стр. 48: Дома ли твои хосяинъ? Не знаю, онъ з двора ѣхатъ хотѣлъ.
Domi ne est herus tuus? Nescio, exire voluit.
Ist euer herr zu haus? Ich weiss nicht, er hat wollen ausfahren.

Если это перевод с латинского или немецкого, то человек, употребивший выражение „з двора ѣхать“, для передачи „ausfahren“ или „exire“ переводил на русский лучше всех переводчиков посольского приказа. То же относится и к следующим фразам:

9. стр. 47: Не досугъ мнѣ было.
Non vacabat mihi.
Ich hatte nicht zeit.

стр. 46: Какъ тебя богъ милуетъ?
Quomodo vales?
Wie geht es euch?

Онъ за городъ пошолъ. Exiit urbe. Er ist aus der Stadt gangen.

стр. 44: Поди къ нему и скажи ему челобитие от меня.
Abi ad illum et saluta eum meo nomine.
Gehet zu ihn und grusset ihm von meinetwegen.

стр. 43. Давно ли ты съ Москвы?
Diune e Moscovia discessisti?
Wie lange ist es dass ihr aus der Moscau kommen?.

Лудольф наверно написал бы: „Давно ли ты из Русии уехалъ“, если бы он переводил с латинского и „Давно ли ты от Москвы поѣхалъ“, если бы переводил с немецкого, — об этом свидетельствуют промахи других упомянутых уже его фраз (стр. 44, 59—60).

Последняя доказательная цитата:

10. стр. 50. Поди в поварну и позови И в а н о н у (вм. Ивановну).
Abi in culinam et advoca *uxorem meam.*
Gehe in die kuche und rufe *meine frau.*

Какие словари, какие источники изучения русского языка могли обусловить перевод латинского *uxor* нем. *frau* через „Ивановна“? Если допустить, что Лудольф раз навсегда усвоил себе ошибочное понимание слова „*Ивановна*“ в России, то переводя латино-немецкие разговоры на русский в Лондоне, он всюду в соответствии со словами *uxor*, *frau* ставил бы „*Ивановна*“. А между тем это встречается у него только один раз в этой подлинно разговорной русской фразе. В других случаях Лудольф употребляет слова: *жена, семья, хосяишка.* Непосредственная запись живой речи в этом случае совершенно очевидна.

Наконец еще один довод. На стр. 45—46 в девяти фразах под ряд употреблен предлог „за“. Желая разъяснить на подобранных им примерах употребление этого русского предлога, он тщательно передавал в латинском и немецком столбцах разные оттенки его значения разными словами и средствами (напр. по латыни этому „за“ соответствует там: p r o, e x t r a, t r a n s, i n, i n d i t i o n e, a t e r g o, творительный без предлога, винительный объекта без предлога). Подобное же разнообразие передачи и по немецки, но я для краткости это опускаю.

Но кто же сочтет правдоподобным допущение, что имея столь разнообразные латинские и немецкие фразы и пытаясь перевести их на русский, Лудольф употреблял бы каждый раз все то же русское „за“ — в девяти фразах под ряд на одной странице!! А если он мог с о ч и н и т ь столько и таких безупречных (за одним исключением) русских фраз для одного

только предполагая", то ему можно доверять, как авторитетнейшему знатоку русского языка.

Сравните еще дважды встречающемуся латинскому quorsum tendis соответствует один раз (стр. 44) *Куди идешь, поѣдишь?* а другой раз (р. 47): *Куди думаешь.* Точно так же латинскому gratias ago соответствует *blagodariu* (*10*) *спасибо* (*47*) *челомъ бью* (53 *и др.*).

Больше разнообразие и богатство русского столбца, чем латинского и немецкого в книге Лудольфа свидетельствует о его первоначальности.

Итак, во всех этих случаях можно видеть вольный перевод с готовой (записанной, а не сочиненной) русской фразы на немецкий и латинский языки, которыми Лудольф прекрасно владел с детства. Иначе пришлось бы допустить, что Лудольф говорил по-русски как природный москвич, а в таком случае его показания надежны и достоверны, как показания любого подлинно московского памятника письменности, — и это взрывает в самом существе гипотезу о приоритете латинского текста.

V

Что же может дать материал Лудольфа для истории русского языка?

Я уже говорил, что его грамматические наблюдения ценны тем, что они свидетельством современного наблюдателя подтверждают с окончательной несомненностью ряд положений, какие мы в большей части принимали уже на основе изучения других известных источников. Но фразеологический материал Лудольфа почти целиком свежий, единственно у него зарегистрированный для конца XVII века и до сих пор в оборот наших исследований по истории русского языка не принятый. У меня есть основания думать, что, раз только начнется на основе книги Лудольфа изучение разговорных диалектов XVII в., то найдутся и другие свидетельства о тех же элементах разговорной речи, пока записи Лудольфа (за немногими исключениями) представляются единственными. Ряд параллелей к ним имеется в Парижском словаре 1586 года и в словаре Рич. Джемса 1620 г. Но об этих соответствиях я буду говорить в другой работе, тем более, что оба только что названные памятники тоже до сих пор не введены в научный оборот. Здесь же, в заключение, я изложу свои предположения о социальной среде, в какой вел свои наблюдения Лудольф, о том, чей разговорный язык отражен и сохранен для нас в его книге.

Уже в начале своей статьи я указывал на важность посвящения и двух предисловий книги Лудольфа для определения социальной среды, в какой он вращался. Это прежде всего высшие и наиболее просвещенные круги московского населения. В беседах с кн. Б. Голицыным, патриархом Адрианом и др. учеными москвичами Лудольф усвоил и свое понимание соотношения между русским и церковно-славянским языками, и оценку языка Уложения Алексея Михайловича, сочинений Симеона Полоц-

кого, и произношение слова Исусъ (есть и написание Іисусъ, 72, 78) как Iisus (10), а не Isus, употребление слов ямъ вм. ѣмъ преставился вм. умер, отошествіе, однакожде, древо (как русское слово дано в грамматической парадигме), похранити.[1] В этой же среде усвоены были Лудольфом и такие фразы как:

„Напразно попечешъ ся, как Вышнои не благословитъ (65).

„Кажетъ ся мнѣ, что онъ не учонъ" (20).

„По моему мнѣнію то болново ослабляетъ" (66).

„Скажутъ, что пригожие женщини во французскои землѣ (60)

„То великое утешеніе мнѣ было о чужихъ земляхъ бесѣдоватъ" (67).

Но в диалогах, да и в фразеологических иллюстрациях грамматики Лудольфа гораздо больше таких записей, которые своим содержанием ясно указывают на среду высшего и среднего купечества и тогдашней „технической интеллигенции" — крупнейших мастеров, специалистов. Трактат о богатствах и торговле России, заключающий книгу, не мог быть написан без широких связей с этой средой. В диалогах Лудольф упоминает о соседе докторе, о приятеле „великом художнике" — часовщике. На эту более низкую по социальному положению, но более широкую и более важную для Лудольфа среду указывают такие, например, фразы:

„Выбираи товарищи которие не склонение къ питію или къ праздности" (63).

„Надобе купитъ толко <то> что нужно" (64)

„Изъ агленской землы привозятъ сукно (43)

„По тои ценѣ продаватъ не могу" (45)

„Онъ гораздо богатъ" (28).

„Возбуди меня завтра въ четвертомъ часу" (57).

„Каетъ ся мнѣ что свадбу здѣлалъ, по тому что мало въ приданіе ей дали" (65) (т. е. „каюсь, сожалею, что" . . .).

„Много я издержалъ на етую работу, а жаль мнѣ, что деньги не въ мошнѣ держалъ" (64).

„Въ молодихъ лѣтехъ нехто такъ разуменъ что бы трудилъ ся дляради науки и премудрости" (67).

„Почта пришла и грамотки я не досталъ" (64).

„Есть такихъ, которие в одномъ пиру пропіютъ <то> что во всемъ году нажили" (66).

„Отнеси бушмаки къ сапожнику и вѣли их починитъ" (56).

„Вѣли дѣвку (вм. девке) постѣлю слать и чистие простыни класть" (57).

„Алти (вм. ты) думаешъ, что поѣхать мнѣ мочно, а не проститъ ся с тобою" (59—60).

„Блискаетъ" (fulgurat), 40. „Видалъ ты моево брата"? (16).

„Я купил доброи ножикъ" (19). „Изволишъ чарку вотки"? (50).

„То ихъ убычеи, что лутче ты платишъ, то хуже служаютъ" (56).

„Не досугъ мнѣ было" (47).

---

[1] В XV—XVI в. в письменности употребляется „похоронити", а в XVII в. исключительно почти „похранити" (по данным „Картотеки Древнерусского словаря" ИЯМ. (Ср. „Материалы" Срезневского).

„Луче дурачествоватъ неже крастъ“ (58).

„Где лѣсовъ много, тамъ огонь мало стоитъ“ (62).

И многие еще подобные этим фразы читатель сам выделит в издаваемой нами книге.

Обращу внимание еще на характерный для изученной Лудольфом социальной среды (купечества и боярства) перечень фруктов („огородный плодъ“) в его словарике (86): „Агурцы, тыква, дыны, земланица, малыны, смородина, черницы, можевеловіе ягоди, шиповніе ягоди, бусовіе ягоди, винніе ягоди, изюмъ, амигдалное ядро, вишни, орехи, грецкие орехи, черносливы, груши, яблоки“.

Характерно и полное отсутствие во фразеологии форм аориста и имперфекта, форм двойственного числа, обилие безличных и эллиптических конструкций („Нету дровъ“. „Грязно“).

Две три фразы подхвачены из уст челяди, дворовых, напр.:

„Ты меня здвора послалъ, не могу два дѣла въдругъ зделатъ“ (58).

„Я бежалъ бутъто бешенна собака“ (там же).

„Въ передъ ленивъ не буду“ (54).

„Твое здоровіе знаетъ, когда ты вчерасъ домои приѣхалъ“ (54).

Эти фразы опять таки указывают на то, что наблюдения Лудольфа относятся больше к среднему, чем к высшему слою общества: боярская, княжеская челядь не могла так говорить со своим господином, о б р а щ е н и е последней фразы ясно указывает на посадскую, купеческую среду.

Верность и острота наблюдений Лудольфа обнаруживается и еще с одной стороны.

Язык Москвы XVII в. был очень пестрым, разнородным, еще более разнородным, чем в наше время. Там сосуществовали — то смешиваясь, скрещиваясь, то перемежаясь, то взаимно отталкиваясь, размежовываясь — разные феодальные диалекты (областные и городские — классовые) и многие разнородные языки восточных и западных народов. Даже избрав только русский язык объектом своего наблюдения, Лудольф не мог не зафиксировать сложности состава его в ту эпоху. И выше уже было показано, как неоднородны его записи.[1]

Я прибавлю еще несколько указаний на отмеченные Лудольфом лексические альтернанты в языке Москвы XVII в. Богатство синонимами характерно для всех языков феодальной эпохи, оно представляет первый результат поглощения племенных языков и объединительных тенденций, зарождающихся в больших торговых городах отдельных стран. Но начало семантической дифференциации синонимов, начало использования их для обогащения специальными признаками частных значений, что нарушает смысловую близость таких синонимов, — относится в ос-

[1] Ряд украинизмов в фразеологии Лудольфа надо целиком отнести к бытовым диалектам Москвы, а не на счет случайных украинцев (или белоруссов) среди осведомителей Лудольфа; так, широко подтверждаются параллелями из других московских текстов XVII в. слова — шкода, уживать, удоволиться. К этой же категории я отношу и: выграю, боркан (известное и в Псковских диал.), загасить, все однако (в знач. „все равно“), мингасло.

новном (в широком масштабе) к эпохе распада феодализма и образования национальных языков. Часть синонимов в дальнейшем исчезает, не включается в национальные языки, если не имела места указанная семантическая дифференциация, делающая их необходимыми и долговечными.

Лудольф отчетливо указывает на синонимические пары лексических альтернантов, напр.: (32): дивлюся licet дивуюся quoque in usu sit; (40): коли, когда—quando; (51): сердиться, прогнѣваться; (53): я довольно ѣлъ; я сытъ; (42): опричъ, кромѣ; (85): борканъ, морковъ; (85): сталь, укладъ; (86): жито, ечмень; (63): скудость, убожество; (59): загаси, потуши. В других случаях он размещает их отдельно, как: спасибо, благодарю, челом бью; (61): сухимъ путемъ (в ответе)—горою (в вопросе). скажутъ, что (60) — говорят, что..(62).

В приуроченьи этих альтернантов, а также и таких слов, как кстины, проторный, порозный, угровина, убычен нельзя отправляться от современных данных диалектологии. Не говоря уже о том, что мы не проделали пока почти никакой работы в области лингвистической географии и потому мало знаем о территориальном распространении слов, надо учитывать глубокие перемены и в социальном и в географическом их употреблении, какие произошли за последние два с половиною века. Не только границы сфер бытования отдельных слов изменились, но в силу их социального передвижения многие собственно московские элементы языка стали провинциальными, как и наоборот, многие диалектизмы, чуждые московской речи в XVII в., теперь вошли в диалекты города Москвы. Сложная история этих „передвижений", этого обмена словарными средствами может быть раскрыта только путем кропотливого и достаточно полного обследования прежде всего исторических источников по языку Москвы (и XVII века и более раннего времени), — а затем уже и современных диалектов, но не такими кустарными приемами, как это делалось у нас до сих пор, а методами лингвистической географии, обогащенными и осложненными на основе принципов марксистского языкознания. Иными словами, как материал Лудольфа, так и всякий другой исторический материал — можно будет легко и уверенно приурочить к тем или иным социальным диалектам XVII в., когда создан будет полный исторический словарь русского языка и советский лингвистический атлас. А сейчас такие приуроченья имеют произвольный характер, а потому я и воздержусь от них. Одна из насущных задач наших дней — подготовить надежную базу для исторической диалектологии русского языка разысканием и научным изданием источников и материалов по разговорным диалектам XVI—XVII—XVIII веков, какие до сих пор почти не привлекали к себе внимания наших лингвистов. Издание книги Лудольфа и должно послужить к осуществлению этой именно задачи.

БИБЛИОГРАФИЯ.

(Список использованных работ.)

1. *С. К. Булич*. Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке. ч. I СПБ. 1893 (Записки Историко-филологического факультета Имп. СПБ. университета, ч. 32), стр. 57—63.

2. *С. К. Булич*. Очерк истории языкознания в России, т. I (XIII в.—1825 г.) СПБ, 1904. стр. 190—191.

3. *Ив. Балицкий*. Материалы для истории славянского языкознания. Литература исследований о церковнославянском и русском языке на иностранных языках с XVI в. по 1872 г. Киев. 1876, стр. 12—15.

4. *Adam Brand*. A Journal of an Embassy from Moscovy into China over Land... by Everard Isbrand... in the years 1693—1695, written by Adam Brand, secretary of the Embassy. To which is added Curious Observations concerning the Products of Russia by H. W. Ludolf. London. 1698.

5. *В. В. Виноградов*. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX в. в. Москва, 1934, стр. 8 и 41—42.

6. *В. Герье*. Отношения Лейбница к России и Петру Великому. СПБ, 1871.

7. Ак. *Ив. Давыдов*. Предисловие к „Грамматика русского языка ак. М. В. Ломоносова 1755 года". Издана II отд. Имп. Академии Наук в воспоминание столетия русской грамматики. СПБ. 1855, стр. XVI—XVII.

8. *Мих. Каченовский*. О первой русской грамматике. Вестник Европы, 1807 г., часть 34; № 16. авг., стр. 291—295.

9. *Иоанн Георг Корб*. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 г.г.). Перевод и примечания А. И. Маленна. Изд. Суворина. СПБ., 1906.

10. *N. Koulmann*. La première grammaire russe. (Le monde slave. Revue mensuelle. Nouvelle série. IX Année. 1. 1. № 3. Paris, 1932. p. 400—415).

11. *P. F. Marpergers*. Moscovitischer Kauffmann. Das ist Ausfuehrliche Beschreibung der Commercien, welche in Moscau... getrieben werden... Zum Beschluss aber ein klein Vocabularium oder Russisches Woerterbuch mit angehaenget wird. Lubeck. 1705.

12. *Н. Г. Маслаковец*. Немецкий торговый справочник-путеводитель нач. XVIII в. в России (Марпергер о русской торговле). Сборник Историко-этнографического кружка при Киевском Университете. Вып. 1. Киев. 1913, стр. 115—136.

13. *De la Neuville*. Relation curieuse et nouvelle de la Moscovie... Paris. 1698. Русский перевод: Записки де ла Невилля о Московии, пер. Ан. Браудо. Русская Старина, 1891 г., сентябрь, стр. 419—450; ноябрь, стр. 241—284.

14. *А. Н. Чудинов*. О преподавании отечественного языка. Очерк истории языкознания в связи с историей обучения родному языку. Воронеж, 1872, стр. 185—88.

15. Ак. *А. А. Шифнер*. Биографические известия о Генрихе Вильгельме Лудольфе. (Записки Имп. Академии Наук, т. V, кн. 2, стр. 119—126.)

16. *Е. Шмурло*. Россия и Италия т. IV, стр. 295 сл.

17. Ак. *И. В. Ягич*. История славянской филологии. Энциклопедия славянской филологии. Вып. 1. СПБ. 1910, стр. 66.

18. *М. И. Сухомлинов*. О языкознании в древней России. (Ученые записки II отд. Имп. Академии Наук, т. I, СПБ. 1854, стр. 234) (краткое упоминание).

19. *Орест Лозинский*. Русский язык в связи с историею русской образованности. СПБ., 1867, стр. 7—8 (выписки из книги Г. Луд.).

20. *K. H. Schaible*. Geschichte der Deutschen in England von den ersten germanischen Ansiedlungen in Brittannien, bis zum Ende des 18 Jahrhunderts. Strassburg, 1885, s. 220—221.

ЛАТИНСКИЙ ТЕКСТ

ГЕНРИХ ВИЛЬГЕЛЬМ ЛУДОЛЬФ

РУССКАЯ ГРАММАТИКА

В КОТОРОЙ ИЗЛОЖЕНЫ
НЕ ТОЛЬКО ГЛАВНЫЕ ОСНОВЫ

РУССКОГО ЯЗЫКА

НО ТАКЖЕ И НЕКОТОРОЕ РУКОВОДСТВО
ПО СЛАВЯНСКОЙ ГРАММАТИКЕ

ПРИСОЕДИНЕНЫ ОБРАЗЦЫ ОБЫЧНОЙ
РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ С ПЕРЕВОДОМ
НА ЛАТИНСКИЙ И НЕМЕЦКИЙ ДЛЯ ТЕХ
КТО НЕ ЗНАЕТ ЛАТЫНИ, А ТАКЖЕ
КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ПРИРОДОВЕДЕНИЯ

ОКСФОРД
ИЗДАНИЕ ШЕЛДОНОВА ТЕАТРА
1696

Светлейшему и Высочайшему Князю и Господину,
господину Борису Алексеевичу Голицыну,
Его Царского Величества Ближнему Советнику
и среди Вельмож Российской Империи
Превосходительнейшему

Светлейший и Высочайший Князь,

Так как я сам был очевидцем Твоей особой милости и просвещенной благосклонности к иностранцам, то решился посвятить Твоему Высочеству этот учебник русского языка. Овладев латинским языком, ты сам открыл себе доступ к беседам с иноземцами и уже в силу этого ты, надеюсь, не будешь осуждать меня за то, что я попытался [этим начальным руководством] оказать помощь тем, кто захочет вступить в беседу с Твоим Народом. Всемогущий Творец этого мира, щедро одаряя разные страны разными благами, видимо хотел, чтобы жители земного мира завязали бы сношения между собой и, познав в изумительном разнообразии созданий Мощь, Мудрость и Благость Творца, чтили бы Его еще большими хвалами и более пламенным поклонением. И потому ты совершаешь дело не только достойное Христианина, но угодное Правителю Вселенной, — когда с такой благосклонностью снискиваешь милость Царского Величества и оказываешь Свою помощь и защиту иноземцам, прибывающим в славную Русскую Империю. Пусть вознаградит Тебя Бог — Трижды Прекраснейший и Величайший, которому ничем более угодить невозможно, нежели добрыми делами. Его Всемогущей защите поручаю Твое Высочество со всем должным почтением.

Оксфорд, мая 8 дня, 1696 года

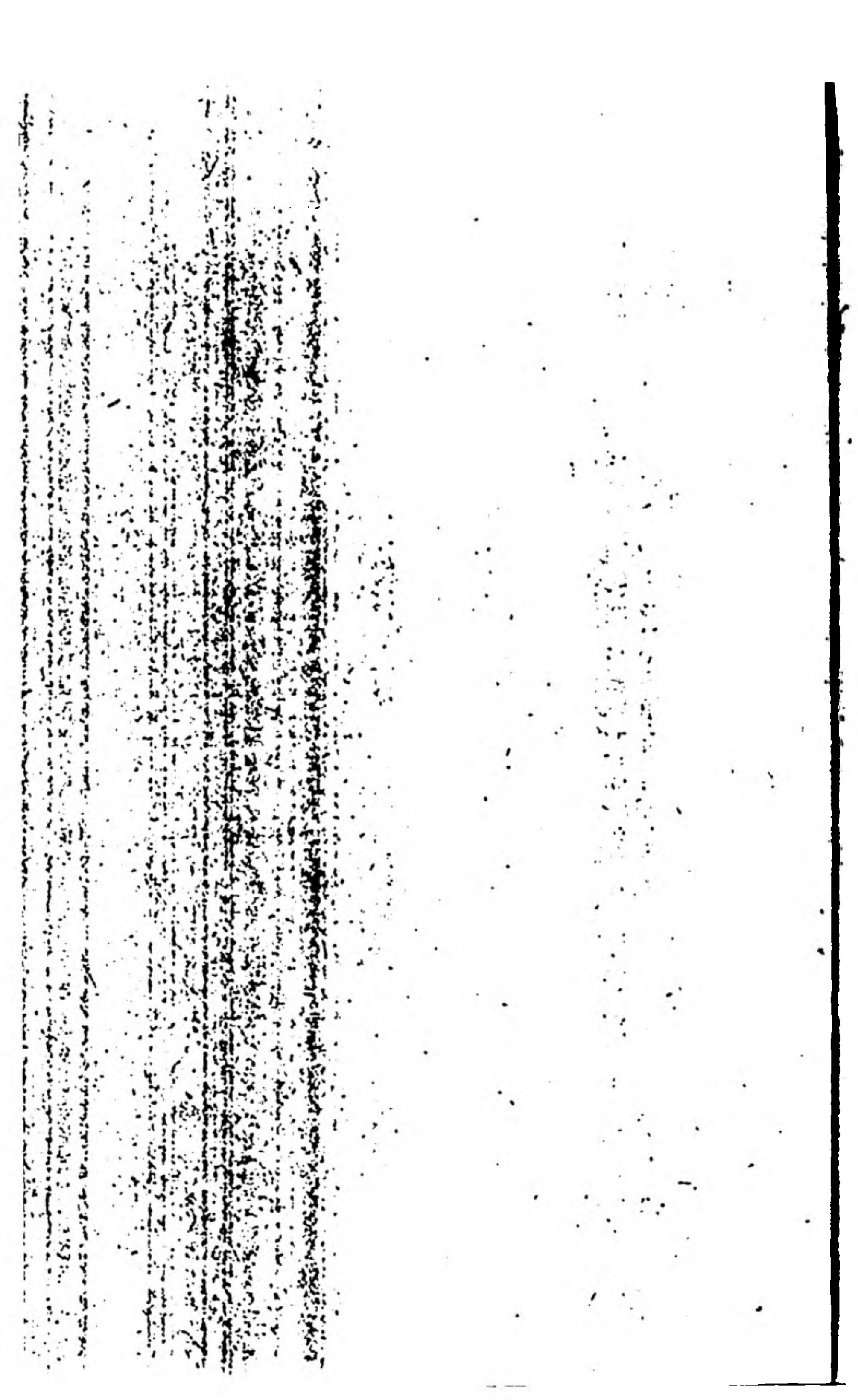
Высочайшего Твоего Имени нижайший почитатель
Генрих Вильгельм Лудольф

Благосклонный Читатель.

По одному виду этого славянского шрифта, изготовленного по заказу Славной Оксфордской Академии, ты можешь заключить, с каким усердием здесь некоторые прославленные мужи содействуют изучению иноземных языков. Они пришли уже к тому, что приспособляют печатный станок известного Шелдонова Театра к армянскому шрифту. А между тем я знал таких ученых, которые только свою науку ценили высоко, а изучение языков презирали, как бесплодное; и в то же время они исполнены гордостью за свою эрудицию в областях нисколько не более полезных для достижения главной цели человеческой жизни. Эта цель — как можно лучше служить Богу и ближнему и так сообразовать свои действия, чтобы земное странствие наше пройти безопасно и сладостно, приближаясь с каждым днем к небесному отечеству. Если мы будем стремиться к истинной мудрости, а начало ее — страх Божий, то никакое наше занятие не будет бесплодным, но даст приятнейшие и достойные христианина плоды. А знание языков должно быть почитаемо, так как священное писание относит его к числу даров Святого Духа. Если человек в отличие от других тварей удостоен способностью мышления и выражения своих мыслей, то не должно перенебрегать этим даром Высшего Создателя и презирать тех, кто способен делать это на многих языках и тем более может распространять славу высшего Божества. Этот труд не будет ни напрасным, ни неугодным Отцу света, если кто-нибудь, считая, что он не для себя только, но и для ближних своих родился, предпримет перевод полезных книг на языки тех народов, которые вследствие тяжелых условий жизни лишены этих средств духовной культуры. С этой целью я охотно предпринял издание настоящего небольшого труда и всеми силами стремлюсь послужить славе творца всех благих дарований. Прощай — и сообразно своим силам ставь перед собой ту же цель.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Примечание. Здесь указана пагинация латинского оригинала.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Среди тех языков, от которых произошли разные наречия, не последнее место занимает славянский и по своей древности, и по распространению среди множества народов. А среди наречий славянского происхождения — Русское не только ближе всех к своему источнику, но и самое распространенное (оно употребляется на громадной территории от порта Архангела до Астрахани и от Прибалтики до границ Китая, хотя, конечно, народы, обитающие от Сибири до Китая (Остяки, Тунгусы, Якуты и Даурцы) имеют еще и свои собственные языки. Но не только те народы пользуются русским языком, которые находятся в подданстве обширнейшей Царской империи, но даже Бухарцы, ведущие торговлю между Индией и Россией, изучают его. Поэтому я полагаю, что моя попытка составить начальное руководство по Русскому языку, насколько возможно это в деле никем еще не испытанном, — послужит к общей пользе. И те, кому необходимо отправиться в Московию по политическим или по своим частным делам, не останутся впредь без всякого пособия для изучения разговорного языка этой страны. В России есть не одно издание Славянской грамматики, но для иностранцев она мало пригодна. Она написана главным образом для Русских, изучающих Славянский язык, поэтому грамматические правила там не приводятся ни на каком иностранном языке, и самая грамматическая терминология скорее затемнена там, чем разъяснена славянскими наименованиями: так напр. Деклинация называется Склонением (*sclonenie*), Нумерус — числом (Tschislo) и т. д. Для русских же знание славянского языка необходимо потому, что не только Св. Библия и остальные книги, по которым совершается богослужение, существуют только на славянском языке, но невозможно ни писать, ни рассуждать по каким-нибудь вопросам науки и образования, не пользуясь славянским языком. Поэтому, чем более ученым кто-нибудь хочет казаться, тем больше примешивает он славянских выражений к своей речи или в своих писаниях, хотя некоторые и посмеиваются над теми, кто злоупотребляет славянским языком в обычной речи. Одна единственная книга напечатана на простом наречии, она называется Уложение (Uloschenie) и представляет собой собрание русских законов, но и в ней некоторые конструкции следуют Славянской Грамматике, а не обычной раз-

говорной речи. Не так давно … при последнем царе … Алексеевиче — некий монах, Симон Полоцкий перевел славянскими стихами Псалмы Давида и издал их, как и многие другие еще богословские книги, именно „Духовной обѣдъ", „Духовной вечеръ", „Многоцвѣтной вертоградъ". Он избегал, насколько мог, употребления трудных славянских слов, чтобы быть понятным для большинства читателей и тем не менее язык у него славянский и много таких слов и выражений, которые в народной общей речи неизвестны.

Но точно также как никто из русских не может писать или рассуждать по научным вопросам не пользуясь Славянским языком, так и наоборот, — в домашних и интимных беседах нельзя никому обойтись средствами одного славянского языка, потому что названия большинства обычных вещей, употребляемых в повседневной жизни, не встречаются в тех книгах, по каким научаются славянскому языку. Так у них и говорится, что разговаривать надо по-русски, а писать по-славянски. И большинство русских, чтобы не казаться неучами, пишут слова не так, как произносят, а так как они должны писаться по правилам Славянской грамматики, напр, пишут сегодня (segodnia), а произносят севодни (sevodni). Тем не менее я решил в этой моей грамматике и в диалогах передавать слова такими буквами, которые обозначают именно те звуки, какие слышатся в произношении, чтобы книга послужила на пользу тем, кто хочет научиться разговорному русскому языку. Кто захочет получить более углубленные знания этого языка, тот уже с меньшим трудом может обратиться впоследствии к Славянской грамматике, я сохранил в своей книге тот же порядок и то же число склонений. Кто внимательно всмотрится в этот язык, тот заметит, как трудно привести его к определенным грамматическим правилам, и тогда легко простит недостатки этой небольшой работы. К грамматике я прибавил диалоги и некоторые идиомы, почерпнутые из повседневной обиходной речи, а также конструкции с предлогами и частицами, что до некоторой степени заменит синтаксис. Диалоги даны в сопровождении немецкого перевода в виду того, что купцы разных народов пользуются в России немецким языком. Да и русских я встречал, которые изучили латинский и немецкий языки. Волей Патриарха в Москве даже основана школа, в которой греки-учителя обучают латинскому и греческому языкам. Из этого видно, что основным русским законам не противоречат образование и наука, как некоторые утверждали. Скорее можно утверждать, что теперешнее Царское Величество стремится к поднятию духовной культуры своих подданных.

Итак, вероятно моя работа принесет некоторую пользу тому или другому из тех многочисленных иностранцев, которые имеют нужду приезжать в Россию не только по торговым и политическим делам, но и по делам иностранных церквей, существующих по милостивому царскому разрешению и в порте Архангела, и в Вологде и в самой Москве. Если я достигну этой цели, то

мне не жаль потраченного труда и не страшны неодобрительные суждения. Так как я не страдаю таким смешным честолюбием, чтобы искать славы в грамматических работах, то мой покой не смутят суждения тех, кто жаждет проявить свои таланты не в исследованиях, предпринятых на общую пользу и в меру своих сил, а в нападках на других (авторов).

К тому же, может быть, этот пример убедит Русских, что можно печатать некоторые вещи и на народном наречии. Ведь только к пользе и славе Русской Науки может послужить это, если они, по примеру других народов, начнут культивировать собственный язык и издавать на нем хорошие книги. Можно надеяться, что Патриарх окажет этому содействие, так как он проникнут похвальным желанием поощрять развитие литературы. Он, в этих целях, заказал в Голландии греческий шрифт тому же мастеру, который изготовил славянский шрифт этой книги для Оксфордской Академии.

В интересах тех, кто хочет изучать Славянскую Грамматику, я решил объяснить здесь грамматические термины, какие в ней применяются.

Осмъ части слова — восемь частей речи. 1. Имя́. 2. Местоименïе. 3. Глаго́л. 4. Прича́стïе. 5. Нарѣчïе. 6. Предло́г. 7. Союз. 8. Междоме́тïе.

Существи́тельное. Прилага́тельное. Стѐпенïе уравне́нïя: положи́тельныи, разсуди́тельныи (=сравнительный), превозходи́тельныи.

Ро́д — му́жескïи, же́нскïи, сре́днïи, о́бщïи, всякïи.

Вид — первоо́бразныи, произво́дныи.

Начерта́нïе — про́стое, сложеное.

Склоне́нïе — прави́льное, неправи́льное.

Число́ — единственное, дво́йственное, мно́жественное.

Паде́жь — имени́тельныи, роди́тельныи, да́тельныи, вини́тельныи, зва́тельныи, твори́тельныи, сказа́тельныи (=предложныи).

Послѣдую́щïя глаго́лу: зало́г — действи́тельныи, страда́тельныи, сре́дныи, отложи́тельныи.

Начертание, вид и число — как у существительных.

Лицѐ — пе́рвое, вто́рое, тре́тïе.

Наклоне́нïе — изъяви́тельное, повели́тельное, моли́тельное, сослага́тельное, подчини́тельное, неопредѣле́нное.

Вре́мя — настоящее, преходящее, будущее.

Спряже́ние — прави́льное, стропо́тное (=неправильное)

Учаща́тельныи.

[Примечание переводчика. Так как орфография и даже опечатки подлинника точно переданы при воспроизведении латинского оригинала, то в переводе я произвел некоторое выравнивание и правку орфографии русских слов, примеров, парадигм.]

8*

Следует несколько замечаний о различии Русского наречия и Славянского языка.

Славянское а после двух согласных заменяется двумя о:

Славянское	Русское
Глава	Голова
градъ	городъ
гладъ	голодъ

Славянское е в русском часто переходит в о

слав.	един	— рус.	оданъ
	есень	—	осень
	есеръ		осеръ

В склонениях славянского языка согласные звуки формы именительного падежа изменяются в некоторых других падежах, а в русском склонении они остаются неизменными, например, рука — дат. и предложный руцѣ, а по русски рукѣ, также от языкъ — именительный множественного языцы, а по русски — языки. Подобным образом г в славянском именном склонении заменяется з и ж, а х заменяется с. Вместо славянского щ в русском часто является ч.

Слав.	нощь	— рус.	ночь
	немощь	—	немочь
	хощетъ		хочетъ

Родительный падеж прилагательных мужеского и среднего рода единственного числа в славянском языке оканчивается на -го, а в русском на -во:

от „такой"	слав.	такого	рус.	таково
„единъ"	—	единого	—	одново

Форма прошедшего времени глагола оканчивается в славянском на -х, а в русском на -л.

любихъ — любилъ

Некоторые предлоги в русском языке имеют другое управление (конструкцию), чем в славянском.-

Слав. между русскими людми

Рус. между русских людей

Различны также и некоторые слова:

Славянское	Русское
Глаголю	Говорю
реклъ	сказалъ
днясъ	севодни
выну	всегда, вселди
истина	правда
туне	даромъ

О БУКВАХ, ПРОИЗНОШЕНИИ И ОРФОГРАФИИ

Название	Изображение	Число	Значение
Аз	А а	1	a
Буки	Б б	2	b
Вѣди	В в		v согласная
Глаголь	Г г	3	g
Добро	Д д	4	d
Есть	Є є є	5	e
Живет(е)	Ж ж		g французское перед e и i
Зѣло	Ѕ ѕ	6	z французское и английское
Земля	З з	7	
Иже	И и	8	i
І	І ї	10	
Како	К к	20	k
Люди	Л л	30	l
Мыслет(е)	М м	40	m
Наш	Н н	50	n
Он	О о	70	o
Покой	П п	80	p
Рци	Р р	100	r
Слово	С с	200	s
Тверда	Т т	300	t
Ик	Ѹ ȣ	400	u
Ферт	Ф ф	500	ph
Херь	Х х	600	ch немецкое
От	Ѡ ѡ	800	o долгое
Ци	Ц ц	900	ts
Черфь	Ч ч	90	tsch, ch английское или c итальянское перед e и i.
Ша	Ш ш		sch или ch французское и sh английское
Шча	Щ щ		schtsch
Ер	Ъ ъ		не произносится
Еры	Ы ы		ui
Ерь	Ь ь		i кратчайшее
Ять	Ѣ ѣ		ie дифтонг

Название	Изображение	Число	Значение
Юс	Ю ю ѫ		iu
Еть	Ѩ ѧ ѧ		ia дифтонг
Кси	Ѯ ѯ	60	x
Пси	Ѱ ѱ	700	ps
Фита	Ѳ ѳ	9	f
Ижица	Ѵ ѵ		произносится i,
	ѿ		ot

Тысячи пишут следующим образом ҂а 1000, ҂в—2000. Настоящий год ҂ахчѕ 1696, по русскому счету от сотворения мира ҂зсд 7204, причем год у них начинается с сентября предыдущего года,

Большая часть немцев насилует русское произношение, не различая ж и щ, з и с, а то даже б и п, д и т, чего не наблюдается у тех, для кого родной язык французский.

Є в начале слова произносится с предшествующим немецким йотом: єво *ievo*; єсть *ieſt*; а в последнем слоге перед согласным часто е произносится как о пнешъ, быешъ—piioſch, biioſch.

Звук ы можно усвоить только по живому произношению, он подобен дифтонгу, состоящему из u и i. Иностранцы часто не различают в произношении (ы с и), хотя слова от этого приобретают обычно другой смысл, как пытать—питать,—puitat, pitat.

Хотя ъ никогда не произносится, а ь едва слышен в произношении, однако они употребляются на письме в конце слов после согласного, но различие (окончания) едва улавливают только иностранцы с тонким слухом. Приблизительно можно объяснить ль и нь (как сходные) с испанскими ll и ñ: полъ (sexus), поль (pavimentum).

Надо обратить внимание в произношении на ударение, которое они обычно ставят в печатных книгах, но не ставят в рукописях на родном языке. Место ударения определяет в иных случаях значение слова, напр. мýка с ударением на первом слоге значит cruciatus, а мукá с ударением на последнем слоге значит farina. Но изучить ударение можно скорее на практике, чем по какимнибудь правилам.

Некоторые иностранцы смешивают на письме ч, ш и щ, но таких ошибок не делают те, кто хоть немного освоился с природным русским произношением.

ъ и ь; о и ω; u, i и v иногда смешиваются на письме. Три последние буквы хотя и имеют одно произношение, но в иных случаях они определяют значение слов: мир—pax, міръ—mundus, мѵръ—mirrha.

Некоторые буквы имеют разное начертание в письме и в печати, как это можно видеть из приложенной таблицы (русской скорописи).

Русские постоянно пользуются и в рукописях и в печати сокращениями, наиболее употребительные из них я здесь приведу.

Агглъ — angel — ангел, архагглскїи — archangelskii — архангельский, Бгъ — bog — бог, Божтво — bojchestwo — божество. Бца — bogoroditza — богородица, блгодарю — blagodariu — благодарю, влка — vladica — владыка, воскрнїе — vojcresenie — воскресение, гдь — gojpod — господь, гдрь — goßudar — государь, этим словом называют и царя, если употребляют это слово одно с глаголом в устной речи и на письме, дхъ — duch — дух, днь — den — день, епкпъ — lepijcop — епископ, Іиль — Ijrail — Израиль, Іис — iijus — Иисус, кртъ — krejt — крест, крщенїе — krejchtchenie — крещение. Мрость — mudrost — мудрость, млть — milost — милость, мчнк — mutjchenik — мученик, мцъ — mejetz — месяц, нбный — nebejnii — небесный, нн҃ѣ — nuine — ныне, ржтво — rojchestvo — рождество, стъ — jviat — свят, слнце — jontze — солнце, срце — jerdze — сердце, трца — troitza — троица, учтль — utjchitel — учитель, учнкъ — utjchenik — ученик, Хс — Christos — Христос, отцъ — ottetz — отец, црь — Tzar — царь, члкъ — tcheloveck — человек, чть — tjchejt — честь.

ГЛАВА II

ОБ ИМЕНАХ

Большую трудность представляет у имен их склонение. Оно производится не присоединением известного члена для каждого падежа, как в большей части природных языков Европы, но падежи различаются между собой окончаниями, как в латинском и греческом языке. Кроме того формы словоизменения имен не могут быть сведены к немногим определенным образцам (парадигмам). Мы сохранили здесь число и порядок склонений, какое существует в Славянской грамматике, так как всегда приходится обращаться к Славянской грамматике по поводу трудных слов, мало употребительных в обычной речи. Но некоторые имена мужского рода в русском языке склоняются своеобразно, как мы о том скажем по поводу второго склонения.

Склонений различается пять, первые четыре — имен существительных, пятое — прилагательных.

Родов — четыре, именно: мужской, женский, средний и общий. Общий род принадлежит тем немногим существительным, которые можно употреблять и применительно к мужчине, и о женщине.

Род „всякий“ (genus omne) у них отсутствует, так-как прилагательные известны только с тремя окончаниями; мужеский р. оканчивается на — и, женский на — а и средний на — ое, сокращенное окончание — о.

Невозможно дать определенные и исчерпывающие правила, по которым можно было бы сразу узнать род какого угодно имени существительного, но для большей части случаев годятся следующие правила.

Мужеского рода те существительные, которые в четвертом склонении оканчиваются на — и, а во втором на — ь.

Женского рода те, которые оканчиваются на—а в первом склонении, на ь в третьем. В четвертом склонении есть имена мужского рода на—ь, но, по большей части, это названия мужчин.

Среднего рода существительные оканчиваются на—е, о и я, из них некоторые второго, некоторые четвертого склонения.

Чисел в славянском языке три, единственное, двойственное и множественное. Но так как в обычной русской речи я почти не наблюдал употребления двойственного числа, то я не включил его в свои грамматические образцы (парадигмы), чтобы не увеличивать без необходимости трудностей начального изучения. Два окончания двойственного числа я заметил в обычной разговорной речи, именно именительного падежа муж. р. на—а и жен. р. на ѣ, и творительного на—ма, напр. два глаза, двѣ женѣ. Я видалъ своема глазама хотя многие говорят: я видалъ своими глазами (здесь творительный множественного).

Надо сказать, что русские пользуются формой двойственного числа не только когда говорят о двух, но также и о трех, и о четырех, напр., два попа, три попа, четыри попа.

Но следует иметь в виду, что такая конструкция возможна только в тех случаях, когда при существительном стоит числительное количественное, как в вышеприведенных примерах.

При числительных, начиная с пяти, употребляется множественное число, напр. пять попы.

Падежей—семь. Кроме шести общеизвестных падежей есть седьмой, свойственный Славянскому и произошедшим от него языкам, который некоторые называют инструментальным аблативом, а в Славянской грамматике он называется Творительным и помещается на шестом месте. Шестым по порядку помещаем его в парадигмах и мы, чтобы не вводить в смушение тех, кто будет овладевать русским языком с помощью Славянской грамматики.

Творительный падеж употребляется:

1. Когда говорится о вещи, которой как инструментом что-нибудь производится, как ножикомъ резалъ.

2. Говоря о времени, напр. вѣсною, лѣтомъ, днемъ, ночїю.

3. С глаголами звать и быть, напр. Иваномъ меня зовут. Онъ посломъ былъ во француской землѣ.

4. С этим падежом сочетаются некоторые предлоги.

5. В некоторых русских идиомах. Я простъ своими денгами (я лишился всех своих денег). Я скуденъ денгами (нуждаюсь в деньгах). Не погнушайся нашимъ кушенїемъ.

Родительным падежом пользуются иногда вместо именительного после отрицательной частицы нетъ, напр., нету тактово человѣка, которои все знаетъ.

Неопределенное количество, как во французском языке, выражается в родительном падеже, как напр. дай мнѣ хлѣба, нем. gebt mir brod,—дай мнѣ хлѣбъ значит „весь, целый хлѣб", нем. gebt mir das brod.

Родительный падеж ставится также после сравнительной степени, он старши брата моево.

Наконец, следует заметить, что звательный падеж, совпадающий в народном языке с именительным, иногда употребляется в славянской особой форме; это происходит обычно, когда дело касается религии, которая преподана им на славянском языке, напр. Боже помилуи.

Первое склонение имеет два окончания (именит. пад. ед. ч.) а и — я. Все существительные 1-го склонения женского рода за исключением названий мужчин, напр.

	Ед. ч.	*Мн. ч.*
И.	Жена	Жены
Р.	Жены	Женъ
Д.	Женѣ	Женамъ
В.	Жену	Жены
Зв.	Жена	Жены
Тв.	Женою	Женами
Пр.	Женѣ	Женахъ

Точно также склоняются: дѣва, рука, вода.

Как сказано уже мимоходом, в тех падежах, где в славянском окончание -ы после -к, — в русском будет -и: напр. персты моеи руки. В славянском языке к перед окончанием -ѣ изменяется в ц, а в русском сохраняется, они говорят: онъ держит въ своеи рукѣ, а по славянски надо бы сказать руцѣ.

Второе склонение имеет два окончания, именно -ъ у существительных мужеского рода, как городъ, и -о или -я у существительных среднего рода, как дерево, имя.

	Ед. ч.	*Мн. ч.*
И.	Городъ	Городы
Р.	Города	Городовъ
Д.	Городу	Городомъ
В.	Городъ	Городы
Звательный подобен именительному		
Тв.	Городомъ	Городами
П.	Городѣ	Городехъ

(Существительные обозначаюшие) одушевленные предметы имеют в винительном единственного ок. -а, так от братъ: видалъ ты моево брата?

В некоторых случаях последний гласный (формы) именительного падежа выпадает в косвенных падежах, как напр. отецъ, отца, отцу.

Некоторые чисто русские слова образуют родительный и предложный единственного на -у, как, напр. человѣкъ простово роду. Унево въ дому пожаръ былъ. Четыри времена году. Обоево полу люди.

	Ед. ч.	Мн. ч.
И.	Древо	Древа
Р.	Древа	Древъ
Д.	Древу	Древомъ
В. З.	подобны именительному	
Т.	Древомъ	Древами
П.	Древѣ	Древехъ

	Ед. ч.	Мн. ч.
И.	Имя	Имена
Р.	Имене	Именъ
Д.	Имени	Именемъ
В. З.	подобны именительному	
Т.	Именем	Именми
П.	Имени	Именехъ

Третье склонение имеет одно окончание -ь, все существительные в этом склонении женского рода, как напр. лошадь.

	Ед. ч.	Мн. ч.
И.	Лошадь	Лошади
Р.	Лошади	Лошадеи
Д.	Лошади	Лошадемъ
В.	Лошадь	Лошади
З.	подобен именительному	
Т.	Лошадію	Лошадми
П.	Лошади	Лошадехъ

Четвертое склонение имеет разные окончания, наиболее обычные из них: -й, -ь и -е, родительный пад. они образуют на -я, как напр. моровеи, моровя; князь, князя; знаменіе, знаменія.

	Ед. ч.	Мн. ч.
И.	Князь	Князіе
Р.	Князя	Князеи
Д.	Князю	Княземъ
В.	Князя	Князіе
З.	подобен именительному	
Т.	Княземъ	Князми
П.	Князѣ	Князех

Пятое склонение — имен прилагательных. Мужеский род (в имен. пад.) оканчивается на -и, как бѣлои, женский на -ая и сокр. -а, как бѣлая, сокр. бѣла, средний на -ое, как бѣлое, сокр. бѣло.

Единственное число

Муж.	Жен.	Сред.
И. бѣлои	бѣла	бѣло
Р. бѣлово	бѣлои	бѣлово
Д. бѣлому	бѣлой	бѣлому
В. бѣлово	бѣлую, бѣлу	бѣло
З. подобен именительному		
Т. бѣлимъ	бѣлою	бѣлимъ
П. бѣломъ	бѣлои	бѣломъ

Множественное число

И. бѣлие	бѣлия	бѣла
Р. бѣлихъ } во всех родах		
Д. бѣлимъ } во всех родах		
В. З. подобны именительному		
Т. бѣлими } во всех родах		
П. бѣлих } во всех родах		

Винительный пад. единственного ч. мужеского р. совпадает с именительным, когда (прилагательное) согласуется с существительным неодушевленного предмета, напр., Я купилъ доброи ножикъ.

Когда прилагательное употребляется одно без существительного, то последний гласный именительного пад. единственного числа мужского рода — отбрасывается; так напр., учонной человѣкъ; кажетъся мне, что он не учонъ.

Образование сравнительной степени надо изучить путем практики. Старой имеет сравнительную степень старши, от молодои будет — моложи, от коротк ои — коротчи, от высокои — выши, от великои — болши, от малои — менши, от доброи — лутчи.

Превосходную степень обычно выражают добавлением к форме сравнительной степени (слова) всехъ, как, напр., Москва болши всехъ городъ на Русіѣ.

Но в книжном (письменном) употреблении часто удерживается Славянское образование превосходной степени. В Славянском языке степени сравнения образуются по правилу таким образом:

Положительная	*Сравнительная*	*Превосходная*
М. Святыи	Святши	Святѣиши
Ж. Святая	Святшая	Святѣишая
Ср. Святое	Святшее	Святѣишее

Раньше чем закончить эту главу об Именах, надо указать, что Русские пользуются уменьшительными именами не только тогда, когда хотят ласково обратиться к кому-нибудь, как напр., дружокъ от другъ, но из учтивости они подписывают свои имена в письмах всегда в уменьшительной форме, Ивашка вместо Иванъ, Петрушка вместо Петръ.

О МЕСТОИМЕНИЯХ

Личные местоимения склоняются следующим образом:

	Первое лицо	Второе лицо	Третье лицо
		Единственное число	
И.	я	ты	онъ
Р.	мене	тебе	ево
Д.	мнѣ	тебѣ	ему, нему
В.	меня	тебя	ево
Т.	мною	тобою	нимъ
П.	мене	тебе	немъ
		Множественное число	
И.	мы	вы	оны
Р.	насъ	васъ	ихъ
Д.	намъ	вамъ	имъ
В.	насъ	васъ	ихъ
Т.	нами	вами	ими, ними
П.	насъ	васъ	ихъ, нихъ

Местоимения первого и второго лица — общего рода; третье лицо имеет в единственном числе форму женского рода она, родит. пад. еи, дат. еи, вин. ю и нея(!), твор. нею, предл. ней. Во множественном числе местоимение третьего лица — тоже общего рода.

Сюда же относится и (местоимение) себе, себѣ, себя, собою. Притяжательные местоимения: мои, моя, мое; твои, твоя, твое; нашъ, наша, наше; вашъ и т. д. Склоняются они следующим образом:

	Муж. р.	Женск. р.	Средн. р.
		Единственное число	
И.	мои	моя	мое
Р.	моево	моеи	моево
Д.	моему	моеи	моему
В.	моево	мою	мое
Т.	моимъ	моею	моимъ
П.	моемъ	моеи	моемъ
		Множественное число	
И.	мои	моя	моя
Р.	моихъ	во всех родах	
Д.	моимъ	во всех родах	
Т.	моими	во всех родах	
П.	моихъ	во всех родах	

Надо запомнить, что свои служит притяжательным местоимением и первого, и второго, и третьего лица в зависимости (от формы) предшествующего глагола, напр., держу въ своей рукѣ, ты держишъ въ своей рукѣ, онъ держитъ въ своей рукѣ.

Указательные местоимения — сеи или етои, сея или етая, сие или етое, тои, тая, тое.

	Муж. р.	*Женск. р.*	*Средн. р.*
		Единственное число	
И.	сеи	сея	сие
Р.	сево	сеи	сево
Д.	сему	сеи	сему
В.	сево	сію	сие
Звательный подобен именительному			
Т.	симъ	сею	симъ
П.	семъ	сеи	семъ
		Множественное число	
И.	сие	сия	сия
Р.	сихъ	во всех родах	
Д.	семъ	во всех родах	
В.	сие	сия	сия
Звательный подобен именительному			
Т.	сѣми	во всех родах	
П.	сихъ	во всех родах	

В разговорном просторечии чаще употребляются мест. етои, которое склоняется по образцу относительного местоимения которои.

	Муж. р.	*Жен. р.*	*Средн. р.*
		Единственное число	
И.	тои	тая	тое
Р.	тово	тои	тово
Д.	тому	тои	тому
В.	тово	тую	тое
Звательный подобен именительному			
Т.	тѣмъ	тою	тѣмъ
П.	томъ	тои	томъ
		Множественное число	
И.	тие	тия	тая
Р.	тѣхъ	во всех родах	
Д.	тѣмъ	во всех родах	
Вин. и зват. подобны именительному			
Т.	тѣми	во всех родах	
П.	тѣхъ	во всех родах	

Вопросительные местоимения хто (муж. и женск. р.) что и чен, чея, чие. Они в сочетаниях согласуются: чен етой человѣкъ, чея етая лошадь.

	Муж. р.	Жен. р.	Средн. р.
И.	хто	хто	что
Р.	ково	кон	чево
Д.	кому	кон	чему
В.	ково	кую	что
Т.	кимъ	кою	чимъ
П.	комъ	кон	чемъ

Во множественном числе, как в латинском языке, пользуются формами местоимения относительного которон.

Таким же образом склоняются нехто и нечто.

Относительное местоимение которон, которая, которое склоняется так:

	Муж. р.	Жен. р.	Средн. р.
		Единственное число	
И.	которон	которая	которое
Р.	которово	которон	которово
Д.	которому	которон	которому
В.	которово	которую	которое
Т.	которимъ	которою	которимъ
П.	которомъ	которон	которомъ
		Множественное число	
И.	которие	которня	которая
Р.	которихъ	во всех родах	
Д.	которимъ	во всех родах	
В.	которие	которня	которая
Т.	которими	во всех родах	
П.	которихъ	во всех родах	

Таким же точно образом некоторон, какон, некакон всякон, самон.

Онъ самъ то мнѣ сказалъ.

ГЛАВА IV

О ГЛАГОЛЕ

Глаголы делятся на простые и производные. Из производных чаще всего употребляются многократные, ими пользуются всегда для указания на действие неопределенное, как напр., обманивать — многократный глагол от обманить. Я скажу: на силу наидешь человека, которон не обмани-

ваетъ. Но если я говорил бы об определенном случае, то сказал бы: ты обманилъ меня. Точно также умывать — есть многократная форма от умыть. Приставки (частицы) присоединяемые к сложным глаголам уточняют их значение, так например, снести — *portare*; принеси ключъ; понеси ключъ к замочнику; привѣди лошадь суда; повѣди лошадь въ конюшню; пришли суда; пошли туда.

Вы- в сложении с глаголами означает *ex* (из), напр., выйти.

Воз- или вз- означает *sursum* (вверх), напр., возходить.

Про- соответствует немецкой приставке ver- в сложных глаголах. Пить — *bibere* (trinken), пропить — *bibendo absumere* нем. vertrinken. Проиграть — нем. verspielen.

Глаголы страдательные, средние и взаимные образуются обычно присоединением частицы -ся во всех временах и лицах: учю — *doceo*; учю ся — doceor, учишъ ся, учитъ ся, я училъ ся, ты училъ ся. Также пробудить — expergeiacere пробудить ся expergefisci.

Глаголы в изъявительном наклонении имеют три времени:

1. Настоящее, оно оканчивается на -у или -ю, как здѣлаю.

2. Прошедшее, которое по правилу оканчивается на -л и образует во всех трех лицах форму женского рода на -ла, как я здѣлалъ (мужчина), я здѣлала (женщина).

3. Будущее, оно обычно образуется прибавлением к инфинитиву буду или стану, как напр., буду здѣлать.

В значении форм сослагательного наклонения употребляется сочетание прошедшего времени с частицей бы, этим выражается пожелание или условность, напр., даи богъ чтобы братъ мои приѣхалъ; какъ бы я зналъ такъ бы я не купилъ.

В русском языке для образования прошедшего времени не пользуются вспомогательными глаголами, как в других природных языках Европы. Глагол имѣти и настоящее время от глагола быти в общей разговорной речи почти не употребляются, за исключением, впрочем, конструкции вроде латинской — есть у мене (est mihi). Так говорят: есть-ли у тебя денги?

Есмь, еси, есть обычно опускаются, например: Я сытъ. аль ты дуракъ? онъ гораздо богатъ.

Но прошедшее время (от глагола быть) употребляется:

	Единств. ч.		*Множест. ч.*
Муж.	я	былъ	мы были
Жен.	я	была	
М.	ты	былъ	вы были
Ж.	ты	была	
М.	он	былъ	они были
Ж.	она	была	

Будущее время

Един. ч.	*Множ. ч.*
буду	будемъ
будешъ	будете
будетъ	будутъ

Повелительное ед. ч. б у д и, множ. ч. б у д и т е. Инфинитив б ы т и.

Правильные глаголы могут быть сгруппированы в два спряжения. Как видно будет из дальнейших образцов, разница этих спряжений только в формах настоящего времени.

К первому спряжению относятся глаголы, инфинитив которых оканчивается на -а т ь или -я т ь, а форма 3-го лица настоящего времени на -етъ и (множ. ч.) -у т ъ, как з д ѣ л а т ь, о н з д ѣ л а е т ъ, о н ы з д ѣ л а ю т ъ.

Настоящее время образуется от инфинитива.

Единствен. ч.	*Множ. ч.*
здѣлаю	здѣлаемъ
здѣлаешъ	здѣлаете
здѣлаетъ	здѣлаютъ

Надо запомнить, что глаголы, оканчивающиеся в инфинитиве на -в а т ь, заменяют это окончание в настоящем времени на -у ю, напр. н о ч е в а т ь — н о ч у ю; п о с л ѣ д о в а т ь — п о с л ѣ д у ю.

Глаголы, оканчивающиеся в инфинитиве на -з а т ь имеют в настоящем времени -ж у, как например, р е з а т ь — р е ж у, с к а з а т ь — с к а ж у, п р и к а з а т ь — п р и к а ж у.

Прошедшее время образуется от инфинитива изменением окончания -т ь на -л ъ, как напр. я з д ѣ л а л ъ от з д ѣ л а т ь н о ч е в а л ъ от н о ч е в а т ь; с к а з а л ъ от с к а з а т ь.

	Единствен. ч.	*Множ. ч.*
М.	я здѣлалъ	мы здѣлали
Ж.	я здѣлала	
М.	ты здѣлалъ	вы здѣлали
Ж.	ты здѣлала	
М.	онъ здѣлалъ	оны здѣлали
Ж.	она здѣлала	

Будущее образуется присоединением к инфинитиву (вспомогательных глаголов) б у д у или с т а н у

Единств. ч.

я	буду или стану	здѣлать
ты	будешъ или станешъ	
онъ	будетъ или станетъ	

мы	будемъ или станемъ	здѣлать
вы	будете или станете	
оны	будутъ или станутъ	

Повелительное наклонение образуется от формы настоящего времени заменой окончания -у или -ю на -и, напр., (ед. ч.) здѣлаи, скажи (от скажу), множ. ч. здѣлаите, скажите.

В значении форм сослагательного наклонения, как выше было сказано, употребляют прошедшее время изъявительного, присоединяя частицу бы.

Настоящее время (сослагательное)

1 — даи богъ что бы я здѣлалъ, здѣлала
2 — даи богъ что бы ты здѣлалъ, здѣлала
3 — даи богъ что бы онъ здѣлалъ, она здѣлала
1 — даи богъ что бы мы здѣлали
2 — „ „ „ „ вы здѣлали
3 — „ „ „ „ они здѣлали

В прошедших временах (сослагательного) несовершенном, совершенном и давнопрошедшем они употребляют те же самые формы. Как бы я здѣлалъ, здѣлала, как бы ты здѣлалъ, здѣлала означает и несовершенное, и совершенное прошедшее, и давнопрошедшее (si faceres, feceris, fecisses).

Инфинитив здѣлать.

Причастие настоящего времени здѣлающий (faciens)

Причастие прошедшего времени (страд.) здѣланной (factus).

Второе спряжение с инфинитивом у большинства глаголов на -ить, как уже сказано, от первого спряжения отличается только в формах настоящего времени; третье лицо един. ч. здесь оканчивается на -итъ, а третье множественного на -ятъ, как напр., вѣрить, он вѣритъ, оны вѣрятъ.

Настоящее время производится от инфинитива заменой окончания ть на ю, как напр., вѣрить — вѣрю.

Един. ч.	*Множ. ч.*
вѣрю	вѣримъ
вѣришъ	вѣрите
вѣритъ	вѣрятъ

Примечание 1. Глаголы, оканчивающиеся в инфинитиве на -бить, -вить, -пить обычно прибавляют -л- в первом лице настоящего времени, как напр., любить — люблю; дивиться — дивлюся, впрочем говорят также и дивуюся; купить — куплю. Но в остальных лицах это -л снова отбрасывается, как напр., ты любишь, онъ дивитъся, купятъ.

Примечание 2. Глаголы, оканчивающиеся в инфинитиве на -дить, образуют первое лицо настоящего времени

на -жу, как напр., ходить — хожу, глядить — гляжу розсердиться — розсержу ся. Во остальных же лицах это ж снова заменяется на д, как, напр., ты ходишь, он глядитъ, оны розсердятъ ся.

Примечание 3. Глаголы, оканчивающиеся в инфинитиве на -сить, имеют в первом лице настоящего времени -шу, как напр., укусить, укушу, красить — крашу. В остальных лицах это ш снова заменяется на с, как, напр., собака укуситъ.

Примечание 4. Глаголы оканчивающиеся на -зить имеют в первом лице настоящего -жу, как напр., грозить — грожу, нагрузить — нагружу. В остальных лицах восстанавливается коренной согласный инфинитива; онъ грозитъ.

Остальные времена (во втором спряжении) образуются так же, как и в первом спряжении и потому совершенно излишне повторять изложенное (о них) выше.

Я вернлъ, я любилъ, я дивилъ ся, я ходилъ, я укусилъ, я грозилъ.

Неправильные глаголы мы разделяем на два класса. Первый класс включает те глаголы, которые имеют неправильность только в формах настоящего времени, подобно сплю от спать. Этот глагол спрягается так:

Настоящее время

Един. ч.	*Множ. ч.*
сплю	спимъ
спишъ	спите
спитъ	спятъ

Подобным образом и пишу от писать.

Един. ч.	*Множ. ч.*
пишу	пишемъ
пишишъ	пишете
пишитъ	пишутъ

Так же и держу от держать, онъ держитъ, оны держутъ.

К этому классу неправильных глаголов относятся также жить с окончанием (инфинитива) второго спряжения, а настоящее время спрягается по первому спряжению: я живу, онъ живетъ, оны живутъ.

Прошедшее время от всех этих глаголов образуется по общему правилу: я спалъ, я писалъ, я держалъ, я жилъ.

Второй класс неправильных глаголов представляет большую трудность, так как они имеют отклонения от нормы не только в настоящем, но и в прошедшем времени. Мы дадим дальше перечень этих глаголов, а здесь обратим внимание только на то, что, если глагол в прошедшем времени не оканчивается на л,

то в формах женского рода и множественного числа он принимает это окончание л. Онъ могъ, она могла, мы могли; онъ принесъ, она принесла.

Труднее других среди неправильных глаголов те, которые оканчиваются в инфинитиве на чь, а в настоящем времени на -гу или -ку, как напр., сожечь—сожгу, течи—теку, поэтому мы дадим здесь образец их спряжения:

Един. ч.	*Множ. ч.*
сожгу	сожжемъ
сожжешь	сожжете
сожжетъ	сожгутъ

Так же могу, онъ можетъ, они могутъ. Берегу ся, онъ бережетъ ся, берегутъ ся.

Един. ч.	*Множ. ч.*
теку	течемъ
течешъ	течете
течетъ	текутъ

Так же от попечи ся, попеку ся, попечетъ ся попекутъ ся.

Прошедшее время.

	Един. ч.	*Множ. ч.*
М.	я сожегъ	мы сожгли
Ж.	я сожгла	
М.	ты сожегъ	вы сожгли
Ж.	ты сожгла	
М.	онъ сожегъ	оны сожгли
Ж.	она сожгла	

Так же онъ мог, она могла, мы могли, они могли.
От глаг. теку—текъ.
От попеку ся—попекъ ся.

В перечне глаголов, приводимых ниже, мы указываем форму 3-го лица настоящего времени, по которой можно образовать все остальные. Глаголы, оканчивающиеся в 3-м лице настоящ. врем. на -етъ, спрягаются по первому спряжению, а оканчивающиеся на -итъ по второму спряжению.

Инфинитив	*Наст. вр.*	*3 ед. ч.*	*Прош. вр.*
бежать	бегу	он бежитъ	бежалъ
беречи ся	берегу ся	он бережетъ ся	берегъ ся

[и т. д. см. стр. 68].

давать	дам и даю	оны дадутъ	далъ и давалъ

Таким же образом спрягаются и все сложные с приставками глаголы, образуемые от этого глагола, как выдавать, отдавать, продавать, выдалъ, подалъ и т. д.

достававать, достаю, достаетъ, досталъ

[и пр. см. стр. 68]

пустить, пущу, пуститъ, пустилъ

и сложные выпустить, впустить, пропустить, отпустить, допустить и [т. д. см. стр. 69].

сечи, секу, сечетъ, секъ

И сложные высечи, отсечи

слать, стелу, стелитъ, слалъ

Но более употребителен сложный глагол перестелу постѣлу

сожечь, сожгу, сожетъ, сожегъ [и т. д. см. стр. 69].

Безличные глаголы

Кажетъ ся мнѣ, каетъ ся мнѣ, дождь идетъ, не лза мнѣ (ен), вонinfоянетъ, солнце сІѧетъ, гремитъ, громъ идетъ, бліскаетъ, похнитъ (пахнетъ), грезитъ ся мнѣ.

ГЛАВА V

О НАРЕЧИИ

Времени

Тяперь, ныне; въ тѣ порѣ; въ передъ, въ предки; скоро, точас; поздо; долго, давно; уже; еще; севодни; завтра; вчерась; третьево дни; рано; всегда; вселди; коли, когда; некогда; часто; прежде; покамѣсть; после.

Места

Тутъ, здѣсь; тамъ; гдѣ; суди, суда; туди, туда; откуда; отсюда; оттуда; далеко; близко; везде; нигде; въ низу; въ верху; въ низъ; въ верхъ.

Качества и количества

Добро, хорошо—лутче; худо—хуже; тихонко; полно; гораздо, велми, очень; нарочито; насилу; какъ; такъ; длячево; сколко; толко; разве; нетъ;

та (ведь), право; вѣдругъ; вѣмѣстѣ; вѣпервые; вѣ другые; напраздно; нарочно.

По руски; по немецки; по француски.

Степени сравнения наречий, как и степени сравнения прилагательных надо усвоить из практики:

часто — чаще; поздо — пожe; высоко — выше; близко — ближе.

ГЛАВА VI

О ПРЕДЛОГЕ

Управляют Родительным падежом: изъ, съ, у, отъ, до, для, опричь, кромѣ, околъ, б'езъ, после, прежде, противъ.

Управляют Дательным: ку или къ, по.

Управляют Винительным: за (в знач. лат. pro), черезъ, про.

Управляют Творительным: со, съ.

Управляют Предложным: при, по, о.

Некоторые предлоги управляют двумя падежами, как и в латинском, а именно Винительным при указании направления, в каком происходит движение, и Предложным для указания нахождения вещи в каком-нибудь месте.

Винительным и Творительным управляют: предъ, подъ, за.
Винительным и Предложным: во, въ, на.

ГЛАВА VII

О СОЮЗЕ

Да, и; такожде; что; что бы; естли, будетъ; или; .товоряди: понеже, потому что. Пример: Что болши живешъ, то болши слышишъ.

[Примечание переводчика. Фр. зеологию, таблицу числительных и словарик Лудольфа см. на стр. 72—97.]

PHRASES ET MODI LOQUENDI COMMUNIORES.

Глава а҃.	*Cap. I*	Kap. 1.
ѡ СОЧИНЕНІИ ПРЕДЛОГА.	DE CONSTRUCTIONE PRÆPOSITIONUM.	Von der Construction der Praeposition.
Где ты былъ.	(1) Ubi fuisti?	(1) Wo seyd ihr gewesen?
Ȣ брата моево, ȣ сѣстрѣ твоеи.	Apud meum fratrem, apud sororem tuam.	bey meinen bruder, bey deiner schwester.
ѡ҃кȣди придешъ.	(2) Unde venis?	(2) Wo kombt ihr her?
ѡ҃ батȣшки, ѡ҃ матȣшки.	à patre, à matre.	vom vatter: von der mutter.
Изъ агленскои земли привозѧтъ сȣкно.	(3) Ex Anglia advehunt pannum.	(3) Aus England bringen sie tuch.
Давноли ты съ Москвы.	Diune è Moscovia discessisti?	Wie lange ist es das ihr aus der Moskau kommen.

Вчерасъ онъ ѡ҃ нова города приѣхалъ.	Heri ille Novogorodio advenit.	Gestern ist er von Novogrod kommen.
Кȣди идешъ, поѣдишъ.	(1) Quorsum tendis?	(1) Wo wolt ihr hin?
Къ братȣ моемȣ, къ сѣстрѣ моеи.	Ad fratrem meum, ad sororem meam.	Zu meinen bruder, zu meiner schwester.
Поди къ немȣ и скажи емȣ челобитіе ѡ҃ менѧ.	Abi ad illum et saluta eum meo nomine.	Gehet zu ihn und grusset ihn von meinetwegen.
Приди завтра къ намъ.	Veni cras ad nos.	Kommet morgen zu uns.
Привѣди твоево друга кȣ [1] мнѣ [2]	Adduc amicum tuum ad me.	Bringet euren freund zu mir.
Онъ ȣже говорилъ со мною про тебѧ.	Ille jamtum locutus est mecum de te.	Er hat schon von euch mit mir geredet.

[1] Опечатка в ȣ вм. к ȣ.

[2] Напеч. мнѣ вм. мнѣ.

Изволишъ гꙋлать со мною, съ нами.	(2) Placetne tibi ambulare mecum, nobiscum?	(2) Beliebet euch mit mir, mit uns, spazieren zu gehen.
Стоитъ при дверехъ.	Stat ante januam.	Er stehet vor der thür.
При свѣчѣ писать не могꙋ.	Juxta candelam non possum scribere.	Ich kan bey dem liecht nicht schreiben.
Не знаю по рꙋски, по немецки, по фран-	(3) Nescio linguam Russicam, Germani	(3) Ich kan nicht Russisch,

— 45 —

цꙋски.	cam, Gallicam.	Teutsch, Französisch.
По той ценѣ[1] продавать не могꙋ.	Pro hoc pretio non possum vendere.'	Fur den preiss kan ich nicht verkauffen.
Почемꙋ ты знаешъ.	Quomodo tu scis.	Woher wisset ihr es?
Ѧ послалъ по лошадъ.	Jussi adduci equum.	Ich habe nach dem pferde geschicket.
Ѿнеси крꙋшкꙋ въ погребъ, въ горницꙋ.	(1) Aufer cantarum in cellam, in triclinium.	(1) Traget die kanne in den keller, in die stube.
Ѧ хранилъ сыръ въ погрѣбѣ,[2] въ горницѣ.	Servavi caseum in cella, in triclinio.	Ich habe den Kase in dem keller, in der stube verwahret.
Поставъ штеканъ на столъ, на лавкꙋ.	(2) Pone poculum in mensam, in scamnum.	(2) Setzet den becher auff den tisch, auff die banck.
Вотъ, тамъ лежитъ твоѧ шапка на столѣ, на лавкѣ.	Ecce mitra tua jacet in mensa, in scamno.	Sehet dort lieget eure Mutze auff dem Tische, auff der banck.
Собака бежала подъ столъ, под лавкꙋ.	(3) Canis aufugit sub mensam, sub scamnum.	(3) Der hund ist unter den tisch, unter die banck gelauffen.
Кошка спрѧтила[3] сѧ подъ столомъ, подъ лавкою.	Felis abscondit se sub mensa, sub scamno.	Die katze hat sich unter die banck verstecket.
За етꙋю ценꙋ не здѣлаютъ бꙋшмаки.	(4) Pro hoc pretio non conficiunt calceos.	(4) Fur den preis machen sie keine schuhe.

— 46 —

Онъ за городъ пошолъ.	(1) Exiit urbe.	(1) Er ist aus der stadt gangen.
Живетъ за городѣ.	Habitat extra urbem.	Er wohnet ausserhalb der stadt.
Поди за рѣкꙋ.	Abi trans fluvium.	Gehet an die andere seite der flusses.

[1] Опеч. ценѣ вм. ценѣ.

[2] Опечатка погрѣвѣ вм. погрѣбѣ, ср. предыдущую фразу.

[3] [illegible]

Смотри за рѣкою продажнаа ли дрова тамъ.	Vide trans fluvium num lignum ibi venale sit?	Sehet jenseit des flusses ob daselbst holtz zu verkauffen.
Єтаа деревна за свицкимъ королемъ.	(2) Pagus hic in ditione Regis Sueciæ est.	(2) Dieses dorff gehoret dem Konige in Schweden.
Моа сѣстра ѹже три лѣта за мѹжемъ.	Soror mea jamtum tres annos in matrimonio vixit.	Meine schwester hat schon drey jahr einen mann gehabt.
Поди за нимъ.	(3) Sequere illum.	(3) Gehet hinter ihn her.
Онъ за мною ѣхалъ.	Ille à tergo meo vectus est.	Er fuhr hinter mir her.
Глава [illegible]	*Cap. 2.*	Cap. 2.
РОЗЛИЧНИЕ РЕЧИ ПРОСТИЕ.	VARIÆ EXPRESSIONES COMMUNES	Verschiedene gemeine redensarten.
Здравствѹи.	Salve.	Sey gesund, auff teutsch sagt man, guten morgen, guten abend.
Какъ теба богъ милѹетъ.	Quomodo vales?	Wie geht es euch.

Спасибо, [1] а не гораздо здоровъ.	Gratias ago, non admodum valeo.	Grossen dank, ich bin nicht sonderlich wohl auff.
Ꙗ давно теба не видалъ.	(1) Diu te non vidi.	(1) Ich hab euch lange nicht gesehen.
Таперъ мена видишъ.	Jam me vides.	Jetzo sehet ihr mich.
Длачево ты вчерась не кѹ мнѣ пришолъ.	(2) Quare heri non ad me venisti.	(2) Warumb seyd ihr gestern nicht zu mir kommen.
Не досѹгъ мнѣ было.	Non vacabat mihi.	Ich hatte nicht zeit.
Пожалѹи садиса.	Sedeas quæso.	Ich bitte setzet euch.
Челомъ бью, а не ѹсталъ.	Gratias ago, non sum lassus.	(3) Ich bedancke mich, ich [2] bin nicht mude.
Пожалѹи приди чаще къ намъ въ предки.	Quæso imposterum frequentius nos visites.	Ich bitte kommet inskunfftige offters zu uns.
Ꙗ радъ бѹдѹ часто свидатъ састобою.	(4) Jucundum mihi erit sæpe te frui.	(4) Es wird mir lieb seyn, offt mit euch zusammen zu kommen.
Ѿкѹда придешъ.	Unde venis?	Wo kombt ihr her?
Изъ слободы.	E suburbio.	Aus der Vorstadt.

[1] Опечатка спасиво вм. спасибо.
[2] Опечатка ін вм. іф.

Кѹда дѹмаешъ?	Quorsum tendis?	Wo dencket ihr hinaus?
Домой.	Domum.	Nach Haus.

— 48 —

Домали твои хосѧинъ?	Domi ne est herus tuus?	Ist euer herr zu haus.
Не знаю, онъ здвора ѣхать хотѣлъ.	(1) Nescio, exire voluit.	(1) Ich weiss nicht, er hat wollen ausfahren.
Где онъ живетъ.	Ubi ille habitat?	Wo wohnet er?
На *болшой* Ѹлицѣ где онъ всегда жилъ.	In platea majori ubi semper habitavit.	In der breiten gassen, wo er allezeit gewohnet.
Богъ помочъ	(2) Deus te juvet.	(2) Gott helff euch.
ѡпотчивай здоровъ.	Dormi quiete.	Schlaffet wohl.

Глава г҃.	*Cap. 3.*	Cap. 3.
Ѡ ѢСТВОМЪ И ПИТІИ.	DE CIBO ET POTU.	Vom Essen und Trinken.
Завтракалъ ли ты.	Sumsistine jentaculum?	Habt ihr gefruhstucket.
Ѧ поздо Ѹжиналъ вчерасъ, сверхъ тово ѧ рѣдко ѧмъ прежде ѡбѣда.	(3) Sero heri cœnavi, præterea raro ante prandium edo.	(3) Ich habe gestern abend spath gessen, uber dieses esse ich selten vor der mittags mahlzeit.
Изволишъ снами хлѣба кѹшитъ.	Placetne tibi nobiscum comedere?	Beliebet euch mit uns zu speisen?

— 49 —

Челомъ бью, дѣло мнѣ.	Gratias ago, aliquid mihi agendum est.	Ich bedancke mich, ich habe etwas zu thun.
Точасъ ѡбѣдъ готовъ бѹдетъ, дѣвка стѣли скатертъ [1]	(1) Statim prandium paratum erit, ancilla sterne mensam.	(1) Das essen wird gleich fertig seyn, magdgen, decket den tisch.
Мы не дожидали сѧ гости, не сѹди что ѧ смѣлъ за простъ тебѧ держатъ здѣсъ.	Non expectavimus convivas, æqui bonique consule, quod more familiari te excipere ausus sim.	Wir haben keine gaste vermuthet, verdencket miers nicht, dass ich mich unterstanden euch auff eine haus-mahlzeit hier zu behalten.
Болши приготовлено неже надобе.	(2) Major apparatus factus, quam necesse est.	(2) Es ist mehr zubereitet als von nothen.

[1] Опеч. скатретъ вм. скатерть.

Пожалꙋи кꙋши, не побрѣзгꙋи нашимъ кꙋшенїемъ.	Quæso comedas, noli dedignari nostrum cibum.	Eſſet doch, verſchmähet unſere ſpeiſſe nicht.
Ѧ дожидаю сѧ твою семью,[1] женꙋ.	(3) Expecto tuam uxorem.	(3) Ich warte auff eure liebſte.
Она еще въ поварнѣ.	Illa adhuc in culina est.	Sie iſt noch in der kuche.
Право ѧ не станꙋ ѣсть покамѣсть она не пришла.	(4) Certe non manducabo antequam illa veniat.	(4) Sicherlich ich werde nicht eſſen, ehe ſie kombt.

— 50 —

Баренъ, малецъ, поди въ поварнꙋ и позови ивановнꙋ.[2]	Puer, abi in culinam et advoca uxorem meam.	Junge, gehe in die kuche und rufe meine frau.
Она идетъ.	(1) Statim adveniet.	(1) Sie wird gleich hier ſeyn.
Изволишъ чаркꙋ вотки.	Libetne tibi cyatus aquæ aromaticæ?	Beliebet euch ein ſchalgen von gebrandten waſſer?
Воткꙋ не ꙋживаю.	(2) Aqua aromatica non utor.	(2) Ich trincke kein gebrantes waſſer.
Ренского ꙋ насъ нетъ[3], чемъ тебѧ потчиватъ.	Vinum non habemus, qua re tractabimus te.	Wir haben keinen wein, womit ſollen wir euch tracktieren.
Съ пивомъ, къ инномꙋ питїю ѧ не охотникъ.	(3) Cerevisia, alius potus mihi non arridet.	(3) Mit bier, ich bin kein liebhaber von andren getrancke.
Баренъ налеи пиво, а прежде выплощаи штеканъ, крꙋшкꙋ.	Puer, infunde cerevisiam sed munda antea poculum, cantharum.	Junge ſchenck bier ein, aber ſpule den becher, die kanne erſt aus.
Крꙋшка не порозна.	(4) Cantharus non est vacuus.	(4) Die kanne iſt nicht lehr.
Кꙋди ты дѣлъ мои ножикъ.	Quid fecisti de cultro meo?	Wo haſtu mein meſſer hingethan.

— 51 —

Ѧ положилъ на тарелкꙋ, чаю что ты ꙋронилъ на землю, когда ты чистꙋ тарелкꙋ взѧлъ.	(1) Posui in orbem, puto tibi excidisse in terram cum orbem mundum caperes.	(1) Ich habe es auff den teller gelegt, ich halte ihr habt es auff die erde fallen laſſen, als ihr einen reinen teller genommen.

[1] Опечатка сембю вм. семью.
[2] Опеч. Ивановꙋ вм. Ивановнꙋ.
[3] Опечатка нетъ вм. нетъ.

(48)

Домаин твои хо-саинъ?		Domi ne est herus tuus?
Не знаю, онъ задо-ра ѣхати хотѣлъ.	(1)	Nescio, exire voluit.
Где онъ живетъ.		Ubi ille habitat?
на великои улицѣ где онъ всегда живъ.		In platea majori ubi semper habitavit.
Богъ помоузъ	(2)	Deus te juvet.
Опочивай здо-ровъ.		Dormi quiete.

Глава Г.

О ѣствахъ и питіи.

Cap. 3.

De Cibo & Potu.

Завтракалъ ли еси.		Sumsistine jentaculum?
А поздо ужиналъ вчера. сверхъ того а рѣдко алмъ преж-де обѣда.	(3)	Sero heri coenavi, praeterea raro ante prandium edo.
[illegible]		[illegible] tibi ne [illegible] comedere?

(49)

Благодарю, дѣ-ло мнѣ.		Gratias ago, aliquid mihi agendum est.
Тотчасъ обѣдъ го-товъ будетъ, дѣвка стелли скатертъ.	(1)	Statim prandium paratum erit, ancilla sterne mensam.
Мы не дожидали ся гости, не суди что а смѣлъ за простъ тебя держатъ здѣсь		Non exspectavimus convivas, aequi bonique consule, quod more familiari te excipere ausus sum.
Болши приуготовле-но неже надобе.	(2)	Major apparatus factus, quam necesse est.
Пожалуи куши, не побрезгуи нашимъ кушаніемъ		Quaeso comedas, noli dedignari nostrum cibum.
А дожидаю ся твоя сваи, жену.	(3)	Expecto tuam uxorem.
Она еще въ поваръ-нѣ		Illa adhuc in culina est.
Право а не стану [illegible] она прииде.	(4)	Certe non manducabo antequam illa veniat.

Фото стр. 48 и 49 из отдела фразеологии (0,63 разм. ориг.).

Пожалѹи пенте крѹгомъ.	Quæso circumpotetis.	Ich bitte trincket herumb.
Ѧ пилъ къ сосѣдѹ моемѹ.	(2) Propinavi vicino meo.	(2) Ich habe meinem nachbar zugetruncken.
Бѹди здоровъ, на твое здоровіе.	Propino tibi, in salutem tuam.	Ich bringe es euch, auf euere geſundheit.
Челом бью. ѧ починалъ пить про здоровіе хосѧина.	(3) Gratias ago, in sanitatem heri bibere incœpi.	(3) Ich bedancke mich, ich hab des herrn wirths geſundheit angefangen.
Про здоровіе хосѧиски прежде пить было.	Oportuisset bibere in sanitatem heræ.	Wir hatten ſollen der frau wirthin geſundheit trincken.
Она добра жена сердить сѧ, прогнѣвать сѧ, не станеть.	(4) Bona mulier est, non irascetur.	(4) Sie iſt eine gute frau, ſie wird nicht boiß werden.
Какъ тебѣ покажеть сѧ наше пиво.	Quomodo tibi placet nostra cerevisia?	Wie gefallt euch unſer bier?

— 52 —

Хорошо, а крѣпко,[1] бою сѧ ѹпивать сѧ.	(1) Bene, sed fortis est., timeo, ne inebrier.	(1) Wohl, aber es iſt ſtarck, ich furchte mich vollzutrincken.
Не бои сѧ еще ѧ никово пьѧново напоилъ, кажеть сѧ мнѣ что наше пиво очень житко.	Noli timere. adhuc neminem ebrium reddidi, videtur mihi, quod cerevisia nostra valde tenuis sit.	Furchtet euch nicht, ich habe noch niemand voll getruncken, mich dunckt, unſer bier ſey zu dunne.
Никакъ, сладко а ѧ таковое люблю.	(2) Minime, dulcis est, talem amo.	(2) Nein, es iſt ſuſʒ, und ſo trinck ichs gerne.
И ѧ лѹтче люблю сладко неже горко, горко не ѹнимаетъ жаждѹ.	Ego quoque libentius bibo dulcem quam amaram, amara non sedat sitim.	Ich trincke auch lieber ſuſſes als bitters, das bittere leſcht den durſt nicht,
Пожалѹи режъ мнѣ немножко ѿ того гѹса, ѿ тои ѹтки, кѹрицы.	(3) Quæso seces mihi parum de illo ansere[2], anate, gallina.	(3) Ich bitte ſchneidet mir ein wenig von der ganſʒ, von der ende, von dem huhn.
Крылоли или ногѹ?	Alamne vel pedem?	Einen flugel oder ein bein.
То мнѣ все однако.	Perinde mihi est.	Es gilt mir gleich.
Наше кѹшеніе[3] тебѣ не ѹкѹсно, разве	Cibus noster tibi non arridet, forsan	(4) Unſer eſſen ſchmecket euch nicht, es iſt vielleicht nicht

[1] Опечатка крѣко вм. крѣпко.
[2] Опеч.. anſere вм. ansere.
[3] Опечатка вѹшеніе вм. кѹшеніе.

не по вашем8 приготовлено.	more vestro non est præparatus.	auff euere weiſe zugerichtet.
Право а слышкомъ ѣлъ, дома толко не амъ.	(1) Profecto nimium comedi. Domi tantum non manduco.	(1) Ich habe ſicherlich mehr denn zu viel geſſen, zu hauſe eſſe ich nicht ſo viel.
То твое пожалованіе что снами за простъ 8доволитъ са изволилъ.	Hoc comitati tuæ tribuendum, quod domestico prandio te apud nos contentare volueris.	Es iſt ſeine Gutigkeit, daſs er mit einer haus mahlzeit bey uns wollen verlieb nehmen.
Ѧ не лакомои, а не привыкъ къ лакомств8.	(2) Delicatis cibis non sum assuetus.	(2) Ich bin nicht lecker-hafft, zu leckerbisslein gewehnet.
Ныне пора домои.	Tempus jam domum repetendi.	Es iſt zeit wieder nach haus.
Слава Бог8 а доволно ѣлъ, а сытъ.	Sufficienter comedi, Deo gratias, satur sum.	Ich habe Gottlob zur genuge geſſen, ich bin ſatt.
Челомбью за любовъ.	(3) Gratias ago pro benevolentia.	(3) Ich bedancke mich fur die genoſſene ehre.
Прости.	Vale.	Lebet wohl, gehabt euch wohl.

— 54 —

Глава д.	*Cap. 4.*	Cap. 4[1].
МЕЖД8 ХОСАИНА И СЛ8ГИ.	INTER DOMINUM ET SERVUM.	Zwiſchen dem Herrn und Knecht.
Кормилъ ты лошадь.	(1) Cibastine equum?	(1) Haſtu das pferd gefuttert?
Кормилъ,[2] а еще не напоилъ.	Cibavi, sed nondum aquatum duxi.	Ja, aber ich habe es noch nicht getrancket.
Длачево ты не поране всталъ?	(2) Quare non maturius surrexisti?	(2) Warumb biſtu nicht fruher auffgeſtanden?
Твое здоровіе знаетъ когда ты вчерасъ[3] домои приѣхалъ.	Tua dominatio scit, quando heri domum veneris.	Der herr weiß wenn er geſtern zu hauſs gekommen iſt.
Хотіа[4] ты рано спать лежишъ однакожде некогда прежде седмого часа теба виж8.	(3) Quanquam mature cubitum eas, tamen nunquam ante septimam horam te video.	(3) Wenn du gleich fruh ſchlaffen geheſt, ſo ſehe ich dich doch niemahl vor ſieben uhr.
Въ передъ ленивъ не б8д8.	Imposterum ignavus non ero.	Ins kunfftige will ich nicht faul ſeyn.
Длачево ты не топилъ печь.	(4) Quare fornacem non calefecisti?	(4) Warum haſtu nicht eingeheitzet?

[1] Опеч. 3 вм. 4.
[2] Опеч. пормилъ вм. кормилъ.
[3] Опечатка бчерасъ вм. вчерасъ, домон вм. домои.
[4] Ср. на стр. 58: хота.

Нетѹ дровъ.	Deest lignum.	Es ist kein holz da.
Кѹпи воза съ два.	(1) Eme par vehium.	(1) Kauffe ein paar Fuder.
Насилѹ добѹдѹ, дорога такъ хѹда.	Vix adipiscar, via adeo mala.	Ich werde dessen schwerlich kriegen, der weg ist so bose.
Вычисти платіе моѧ и въпраги лошадь, надобе здвора ѣхать.	Expurga vestes meas et junge equum trahæ, foras mihi exeundum est.	Fege meine kleider aus, und spanne den schlitten an, ich muß aus fahren.
Грѧзно санми ѣхать не можешъ.	(2) Cœnosa est via, traha vehi non potes.	(2) Es ist kothigt der Herr kann mit den schlitten nicht fahren.
Такъ верхомъ ѣдѹ, ѡседлаи лошадь.	Ergo equitabo, impone ephippium equo.	So will ich reiten, sattle das pferd.
Лошадь не подкована.	(3) Equo soleæ ferreæ desunt.	(3) Das pferd ist nicht beschlagen.
Вѣли то часъ подковать, а не замешкаи.	Cura statim soleas ferreas induci, et noli morari.	So lass es geschwinde beschlagen, und saum dich nicht.
Поди сперва и спрашиваи домали докторъ.	(4) Abi antea et interroga, utrum doctor domi sit.	(4) Gehe erst hin und frage ob der Doktor zu hausse.
Ѧ былъ ѹ нево, семьѧ [1] ево скажетъ что не	Fui apud ipsum, uxor ejus dicit, quod	Ich bin bey ihm gewesen, seine frau saget, er

— 56 —

далеко [2] и скоро дома бѹдетъ, бьетъ челомъ что бы ты изволилъ хлѣба кѹшитъ съ ними.	procul non absit, et mox domum redibit, rogat ut cum ipsis prandere velis.	sey nicht weit und werde bald nach hausse kommen sie bittet, ihr wollet euch belieben lassen mit ihnen zu speisen.
Ѧ посѹлилъ ѹже къ инномѹ. поди ныне и смотри естли портнои мастиръ здѣлалъ мою шѹбѹ.	(1) Jam tum alii promisi. abi jam et vide num sartor tunicam meam pelliceam fecerit.	(1) Ich habe schone einem andern zugesaget, gehe hin und siehe ob der schneider meinen pelz gemacht.
Шѹба не [3] готова, много роботы емѹ на праздники.	(2) Tunica non parata est, multum operis ipsi est propter festa, ferias.	(2) Der pelz ist nicht vertig [4], er hat viel zu thun auff die feyertage.

[1] Опечатка с е м в ѧ вм. с е м ь ѧ.
[2] Опеч. д а л е г к о вм. д а л е к о.
[3] Опеч. н е вм. н е.
[4] Опечатка v e t t i g вм. v e r t i g.

И ѧ емȣ денги плачȣ, онъ не даромъ за менѧ роботаетъ.	Ego quoque ipsi pecuniam solvo, gratis pro me non laborat.	Ich bezahle ihm geld, er arbeitet fur mich nicht umbſonſt.
То ихъ ȣбычеи, что лȣтче ты платишъ то хȣже слȣжаютъ.	(3) Hæc est ipsorum consuetudo, quo melius solvis, eo pejus inserviunt.	(3) Das iſt ihr gebrauch ie beſſer man ſie bezahlet, ie ſchlimmer bedienen ſie einen.
Ѡнеси бȣшмаки къ сапожникȣ и вѣ-	Porta calceos ad sutorem et jube	Trage die ſchuhe zum ſchuſter und laſſe ſie flicken.

— 57 —

ли ихъ починитъ.	eos sarciri.	
Долго ты несъ ихъ, новие надобе.	(1) Diu eos gestasti, novis opus est.	Ihr habt ſie lange getragen und neue von nothen.
Ѧ не нȣженъ твоимъ совѣтомъ, здѣлаи что ѧ прикажȣ.	Non indigeo tuo consilio, fac quod jubeo.	Ich bedarf deines raths nicht, thue was ich dir befehle.
Виноватъ.	(2) Ignoscas.	(2) Ich bitte umb verzeihung, ich bin ſchuldig.
Вѣли дѣвкȣ постѣлȣ слатъ и чистие простыни класть.	Jube ancillam lectum sternere, et mundos lodices imponere.	Heiſs die magd das bette machen und reine bettucher geben.
Єще рано спатъ лечъ.	(3) Præmature adhuc cubitum ire.	(3) Es iſt noch zu fruh zu bette zu gehen.
Пособи мнѣ роздѣватъ сапоги, и повиси ихъ что бы завтра сȣхие были.	Juva me ocreas exuere, et suspende eas ut cras siccæ sint.	Hilff mir die ſtieffeln aufziehen, und hange ſie auff, daſs ſie morgen drucken ſeyn.
При огни испортишъ ихъ.	Ad ignem eas corrumpis.	An dem feuer verderbet ihr ſie.
Ѡ томъ не попечи сѧ, естли ѧ испорчȣ то моѧ шкота.	(4) Ne sis solicitus de eo, si eas corrumpo, meum damnum erit.	(4) Bekummere dich nicht darumb, wenn ich ſie verderbe iſt es mein ſchade.
Возбȣди менѧ завтра в четвер-	Expergeiac me cras hora quarta, et	Wecke mich morgen

— 58 —

том часȣ, и чистȣ водȣ принеси севодни ты забылъ.	aquam mundam affer, hodie oblitus eras.	gegen vier uhr auff und bringe rein waſſer, heute haſtu es vergeſſen.
Ты менѧ здвора послалъ, не могȣ два	(1) Miseras me foras, non possum dua	(1) Ihr hattet mich aus geſchicket, ich

дѣла въ дрꙋгъ здѣлатъ.	negotia simul facere.	kan nich (sic) zwen sachen zugleich thun.
Какъ бы ты незамешкалъ такъ бы ты назадъ былъ прежде ѧ всталъ.	Si moras non nexisses redisses antequam ego surrexi.	Wen du nicht gesaumet hattest, so wereſt du wieder gekommen, ehe ich aufgestanden.
Ѧ бежалъ бꙋтъ то бешенна[1] собака.	(2) Cucurri instar canis rabidi.	(2) Ich bin gelauffen, wie ein toller hund.
То ѧ знаю, что всегда бꙋтъ то дꙋракъ ѡ҆вѣчаешъ.	Hoc scio, te semper instar stulti respondere.	Das weis ich dass du allezeit wie ein narr antworteſt.
Лꙋче дꙋрачествоватъ неже крастъ.	(3) Præstat ineptire, quam furari.	(3) Es ist besser narrisch zu seyn, als zu stehlen.
Часто и дꙋраки крадꙋтъ, и хотѧ ты не ꙋкралъ ѡднакожде ты не бережешъ моѧ вещи.	Sæpe stulti quoque furantur, et quanquam tu non furatus es, tamen res meas non custodis.	Offt stehlen narren auch, und ob du schon nicht gestohlen, so nimbstu doch meine sachen nicht in acht.

— 59 —

Инново человѣка нанимать можешъ.	(1) Alium servum conducere potes.	(1) Ihr konnet einen andern annehmen?
Высеки огонь и зажги свечꙋ.	Elice ignem et accende candelam.	Schlage feuer auff, und zunde ein licht an.
Єще свѣтло, когда тѣмно бꙋдетъ зажигать станꙋ.	(2) Ad huc lucet, quando noctescet, accendam.	(2) Es ist noch helle, wenn es dunckel, will ich eins anzunden.
Єтие свечи не хорошо горѧтъ, гораздо тонкие, толстие мнѣ надобе.	Hæ candelæ non bene urunt, valde tenues sunt, opus est crassis.	Diese Liechte brennen nicht wohl, sie sind sehr dunne, ich muss dicke haben.
Загаси таперъ,[2] потꙋши.	(3) Extingue jam.	(3) Lesche es nun aus.

Глава ё.	*Cap. 5.*	Cap. 5.
Ѡ ПУТЕШЕСТВОВАНИИ, И ИННИХЪ ДѢЛЕХЪ.	DE ITINERE, ET ALIIS REBUS.	Vom Reisen, und andern sachen.
Ѧ радъ свидатъ сѧ стобою прежде ѡтошествїѧ твоево[3].	(4) Gaudeo quod tecum unà sim ante discessum tuum.	(4) Es ist mir lieb dass ich euch vor eurer abreise spreche.
Алти дꙋмаешъ	Putasne me abire	Meinet ihr

[1] Напеч. вешенна вм. бешенна.
[2] Опечатка тареръ вм. таперъ.
[3] Напеч. тоево вм. твоево.

что поѣхать мнѣ мочно а не проститъ сѧ стобою.	posse et non valedicere tibi?	daſs ich könne wegreiſen und nicht abſchied von euch nehmen.
Кꙋда поѣдишъ.	(1) Quorsum proficisceris?	(1) Wo reiſſet ihr hin?
Въ свицкꙋю, цѣсарскꙋю, голанскꙋю землю.	In Sueciam, Germaniam, Bataviam.	Nach Schweden, nach Deutſchland, nach Holland.
Коли пꙋть возмешъ.	(2) Quando committes te in viam?	(2) Wenn trettet ihr eure reiſſe an?
На той недѣлѣ.	Sequenti septimana.	Kunfftige woche.
Береги сѧ ѿ воровъ и разбойниковъ.	(3) Cave tibi à latronibus et homicidis.	(3) Hutet euch fur dieben und mordern.
Єще бѣда не прилꙋчила сѧ мнѣ на дорогѣ, слава богꙋ.	Adhuc infortunium mihi non contigit in itinere Deo gratias.	Es iſt mir Gottlob auff der reiſſe noch kein ungluck begegnet.
Скажꙋть что пригожие женщини во францꙋской землѣ.	(4) Dicunt pulchras fœminas in Gallia esse.	(4) Man ſagt daſs ſchon frauen zimmer in Franckreich ſey.
Ѿ не водилъ сѧ сними, красние не глади-	Non conversatus sum cum illis, pul-	Ich bin nicht mit ihnen umbgangen, die ſchonen

ли на менѧ, и не желалъ познать сѧ съ дꙋрними.	chræ non aspexerunt me, et non concupivi notitiam contrahere cum deformibus.	haben mich nicht angeſehen, und mit den heſſlichen habe ich nicht verlangt bekand zu werden.
Чемъ ты забавилъ сѧ тамъ.	(1) Quanam recreatione ibi usus es?	(1) Wormit habt ihr euch daſelbſt ergetzet.
Мало забавы за иноземца.	Parum recreationis extero obvenit.	Da iſt wenig zeit vertreib fur einen frembden.
Какъ тамошние люди проклажатъ сѧ.	(2) Quomodo indigenæ se recreant?	(2) Womit ergetzen ſich denn die inwohner?
Со всяческими играми.	Variis ludis.	Mit allerhand ſpielen.
Училъ сѧ ли ты некоторꙋю игрꙋ.	(3) Nullumne ludum tu didicisti?	(3) Habt ihr kein ſpiel gelernet?
Боѧлъ сѧ играть по томꙋ что чаще проиграю нежели выграю.	Timui ludere, quoniam sæpius perdo quam lucror.	Ich habe mich gefurchtet zu ſpielen, weil ich offter verſpiele als gewinne.
Лꙋчели тебѣ ѣхать водою или горои.	(4) Mavisne aqua vel terra proficisci?	(4) Reiſſet ihr lieber zu waſſer oder zu lande?
Море не люблю, естли сꙋхимъ пꙋтемъ поѣдꙋ не ꙋтонꙋ.	Mare non amo, si terrestri itinere proficiscor, non submergor.	Ich halte nicht viel von der ſee, wenn ich zu lande reiſſe, ſo erſauffe ich nicht.

Зимоюли или лѣтомъ лꙋче пꙋтешествꙋешъ.	(1) Libentiusne hyeme vel æstate peregrinaris?	(1) Reisset ihr lieber im winter oder im sommer?
На Рꙋсиѣ лꙋче зимою.	In Russia hyeme præstat.	In Russland ist es besser im winter.
Говорѧтъ что тамъ страшно холодно.	(2) Dicunt ibi immane frigus esse.	(2) Sie sagen es sey da schrecklich kalt.
Чемъ согреваютъ сѧ.	Quomodo se calefaciunt?	Wormit warmen sie sich?
Где лѣсовъ много тамъ огонь мало стоитъ.	Ubi multæ sylvæ ibi ignis parvi constat.	(3) Wo viel walder sind, da kostet das feuer wenig.
Ѧ просидѣлъ вчерасъ снекоторими дрꙋзѧми ·которие ѧ въ гости звалъ, и того рѧди ѧ ѡспалъ сѧ.	(3) In seram noctem heri conversationem protaxeram cum amicis nonnullis quos invitaveram, ideoque ultra statum tempus dormivi.	Ich hatte gestern lange auffgesessen mit etlichen freunden die ich zu gaste gebeten, und derohalben habe ich uber die zeit geschlaffen.
Коликижде ѧ въ гостехъ или въ пирꙋ былъ, въ дрꙋгои день	(4) Quotiescunque ego convivio interfui, postero die sur-	(4) So offt als ich zu gaste gewesen. So kan ich des anderen tages nicht

вставатъ [1] не могꙋ.	gere non possum.	auff stehen.
Которие часто пиршествꙋютъ скоро въ скꙋдость въ ꙋбожество, впадаютъ.	(1) Qui crebro convivantur, faciliter in penuriam et paupertatem incidunt.	(1) Die offt gastereyen halten, gerathen leicht in mangel und armuth.
Скꙋчно мнѣ всегда ѡднимъ быти.	Tœdet me semper solum esse.	Es ist mir verdrieslich allezeit allein zu seyn.
Выбираи товарищи которие не склонение къ питїю или къпраздности.	(2) Elige socios qui non propensi sunt ad potum, vel ad otium.	(2) Suchet euch cameraden aus, die nicht geneigt sind zum truncke, oder zum mussiggange.
Гꙋлѧщики ѧ некакъ ·люблю а насилꙋ ·ꙋчоново человѣка наидешъ.	Canalicolas neutiquam amo, sed vix doctum virum invenis.	Ich halte im geringsten nichts von pflastertretern, aber mit grosser muhe findet man einen gelehrten.
Вчерасъ ѧ стретилъ сѧ съ вѣликимъ хꙋдожникомъ.	(3) Heri obviam habui magnum artificem.	(3) Gestern begegnete mir ein grosser kunstler.

[1] Опечатка втаватъ вм. вставатъ.

Какои емꙋ промыслъ?	Quodnam ipsi artificium?	Was ist seine handthierung.
Часовникъ, часы ево єднимъ заводомъ весъ месецъ	(4) Factor horologiorum, horologia ipsius una intensione totum	(4) Ein uhrmacher, wenn man seine uhren einmahl auffziehet, gehen sie ei-

ходѧтъ.	mensem moventur.	nen ganzen monat.
Много ѧ издержалъ на етꙋю роботꙋ, а жалъ мнѣ что денги не въ мошнѣ держалъ.	(1) Multum expendi in hoc opus, sed pœnitet me, quod nummos non in crumena servaverim.	(1) Ich habe viel geld fur die arbeit ausgegeben, aber es gereuet mich, daß ich das geld nicht im beutel behalten.
На что денги какъ выдавать не смѣешъ.	Cui usui pecunia, si erogare non audes.	Was ist daß geld nutze, wenn ihr es nicht getrauet aus zu geben.
Надобе кꙋпитъ толко что нꙋжно.	(2) Oportet emere tantum necessaria.	(2) Mann muß nur kauffen was nothig.
Почта пришла и грамотки ѧ не досталъ ѡт моихъ сродниковъ.	Posta advenit, et literas non accepi à cognatis meis.	Die post ist gekommen, und ich habe keine brieffe von meinen freunden bekommen.
Показали мнѣ грамоткꙋ печатанꙋ, казало сѧ мнѣ что ѡт шꙋрина твоево.	(3) Monstravere mihi epistolam obsignatam, videbatur mihi quod ab affini tuo esset.	(3) Sie haben mir einen versiegelten brieff gewiesen, es schien er war von euer frauen bruder.
Какъ ты знаешъ что я женилъ сѧ на сѣстрѣ ево.	Quomodo scis, quod sororem ejus uxorem duxerim.	Wie wisset ihr daß ich seine schwester geheurathet.

Онъ самъ мнѣ сказалъ что сѣстра ево за тебѧ замꙋжь вышла.	(1) Ipse mihi dixit, quod soror sua tibi nupserit.	(1) Er hat mir selbst gesaget daß seine schwester euch gefreyet.
Каетъ сѧ мнѣ что свадбу здѣлалъ, по томꙋ что мало въ приданїе єи дали.	Pœnitet me quod nuptias celebraverim, quoniam parvam dotem illa habuit.	Es gereuet mich, daß ich hochzeit gehalten, denn sie haben ihr wenig mit gegeben.
Нехто ꙋдоволитъ сѧ въ томъ что богъ дасть.	(2) Nemo contentus est sua sorte.	(2) Niemand ist zufrieden mit dem was Gott bescheeret.
Нечемъ дѣти не кормишъ.	Nihilo liberos non alis.	Mit nichts kan man die kinder nicht ernehren.

Уповаи сѧ на бога, на празно попечешъ сѧ, как вышнои не благословитъ.	(3) Fiduciam tuam colloca in Deo, frustra sollicitus es, si summus non benedicat.	(3) Vertrauet Gott, ihr bekummert euch umbsonst, wenn der hochste nicht segnet.
Немочи гораздо досадние.	Morbi valde molesti sunt.	Krandheiten sind sehr beschwerlich.
Хъ которои немочи ты склоненъ.	(4) Ad quem morbum nam tu proclivis es?	(4) Zu was fur einer kranckheit seyd ihr geneigt?

— 66 —

Камчꙋгъ часто наидетъ на менѧ.	(1) Podagra sœpe laboro.	(1) Ich kriege offt das podagra.
Совѣтовалъ мнѣ врачъ пꙋскать кровъ во [1] вѣснѣ.	Consuluit mihi medicus sanguinem extrahere vere.	Es hat mir der Artzt gerathen, ich solle im fruhlinge ader lassen.
По моемꙋ мнѣнїю то болново ѡслаблѧетъ.	(2) Quantum ego existimo, illud debilitat ægrotum.	(2) Nach meiner meinung schwachet solches den krancken.
Мои сили ꙋже гораздо ꙋменшали сѧ.	Vires meæ jamtum valde imminutæ sunt.	Meine krafften haben schon sehr abgenommen.
Ѿ етои немочи ꙋмрети не станешъ.	(3) Hoc morbo non morieris.	(3) An dieser kranckheit werdet ihr nicht sterben.
Когда я переставилъ сѧ похранѧтъ менѧ.	Quando decessi, sepelient me.	Wenn ich verschieden so begraben sie mich.
Похрани здѣсъ проторние.	(4) Sepultura hic sumtuosa.	(4) Begrabnisse sind hier theuer.
Лꙋче денги въ кстини выкладиватъ.	Præstat erogare pecuniam in babtismum [2].	Es ist besser das geld auff die kind Tauffe wenden.
Єстъ такихъ, которие въ ѡдном пи-	(5) Inveniuntur tales, qui uno convivio	(5) Es gibt solche die auff einer gaste-

— 67 —

рꙋ пропїютъ что во всемъ годꙋ нажили.	prodigunt, quod toto anno lucrati sunt.	rey verlauffen was sie das gantze jahr erworben.
Родителѧ не велѣли менѧ грамотки ꙋчитъ сѧ.	(1) Parentes mei non curarunt, ut legere et scribere didicerim.	(1) Meine eltern haben mich nicht lassen lernen lesen und schreiben.
Разве тебѣ ѡхота не была.	Forsan tibi non libuit.	Vielleicht habt ihr keine lust darzu gehabt.
Въ молодихъ лѣтехъ нехто такъ разꙋ-	(2) In juventute nemo adeo prudens est	(2) In der Jugend ist niemand so verstan-

[1] Вероятно опечатка: „во“ вместо „по“.
[2] Вероятно опечатка вм. baptismum.

менъ что бы тр8диль са дларади наУки и прем8дрости. | ut operam adhibeat scientiæ et sapientiæ. | dig dass er es sich solte sauer werden lassen umb wissenschaft und weisheit.

Моа памать не добра, трдно мнѣ изъ Устъ Учить са. | Memoria mea non est bona, difficile mihi memoriter discere. | Mein gedachtniss ist nicht gut, es ist mihr schwerer[1] auswendig zu lernen.

То великое Утешеніе мнѣ было ѡ чУжихъ землахъ беседовать. | (3) Magna mihi voluptas fuit de peregrinis regionibus sermonem habere. | (3) Es ist mir eine grosse lust gewesen von frembden[2] landern zu discurriren.

Гл. ѕ. — Cap. 6.

Ѡ слУжбѣ божіеи. — De Cultu Divino.

Ужели ты изъ ѡбѣдны.

Venistine jamtum é concione matutina.

Та сУдарь, а еще вса слУжба не скончалаcа, по томУ что причастіе 8 насъ севодни.

Veni, sed totus cultus Divinus nondum finitus est, quoniam hodie sacram cœnam apud nos celebrant.

И длачево ты не причастилъ са съ прочими.

Quare tu usus non es sacra cœna cum reliquis?

Не давно то а здѣлалъ.

Diu non est quod hoc feci.

Ѧ не слышалъ колоколи изУтра, и когда а всталъ Уже перестали звонитъ иннакъ рѣдко слУжбУ Божю промешкаю въ возкресенніи или въ праздникѣ.

Non audivi campanas hoc mane, et quando ego surrexi jamdum desierant campanas pulsare, alias raro cultum divinum negligo sive in die Dominica, sive festo.

Поди во вечернУ, поздо починатъ станУтъ младенца сперва крестатъ.

Vade ergo in templum post meridiem, sero incipient, infantem antea babtizant.

Наши пасторъ казаніе не здѣлаетъ после ѡбѣда, толко стихи поютъ и главУ читаютъ изъ нового завѣта.

Noster pastor concionem non habet á meridie, tantum hymnos canunt et caput é novo testamento legunt.

Молитъ са Бог8 и хвалитъ єво первое дѣло въ слУжбѣ божіеи.

Orare et Deum laudare principale opus cultus divini.

Скороли христовъ день бУдетъ.

Vicinumne est festum Paschatos?

Ныне третіа недѣла постУ и ты знаешъ что вѣликои постъ седмъ недѣли постоитъ.

Jam tertia septimana quadragesimæ est, et tu scis quod tempus quadragesimale septem septimanas durat.

---

[1] Нареч. schweer вм. schwerer.
[2] Нареч. frembem вм. frem(b)den.

Скажꙋтъ что ты водишъ сѧ съ людьми всѧкои вѣры.

Dicunt te conversari cum hominibus cujuscunque religionis?

Когда ѧ наидꙋ доброго человѣка, его люблю и почестю хотѧ онъ иннои вѣры, и когда ѧ вижꙋ бездѣлника, єво не во что ставлю,

Quando virum probum invenio, ipsum amo et honoro, quanquam ille alii religioni sit addictus, et quando video hominem

— 70 —

хотѧ онъ мои сродна.

nauci, ipsum contemno, etiamsi ille cognatus meus fuerit.

Разꙋмно то, злобꙋ и грѣхъ ненавидитъ а не человѣка.

Sapienter factum, vitium ac peccatum odio prosequi, non hominem.

Безꙋмно, сердитъ сѧ на человѣка, что онъ не самымъ ѡбычїемъ возпитанъ былъ какъ мы. прогнѣватъ сѧ на человѣка, что мысли єво не сходѧтъ сѧ съ моими мыслами, ровно какъ бы ѧ хотѣлъ сердитъ сѧ, что лице єво розличное ѡт моево.

Stultitia est irasci homini, quoniam eodem modo non est educatus, ac nos. Succensere homini quod cogitationes ejus non conveniunt cum meis, perinde est, ac si indignari vellem, quod vultus ejus differt á meo.

Однакожде ты видишъ что одна церква ѡсꙋжаетъ дрꙋгꙋю.

Attamen vides quod una Ecclesia alteram condemnet.

Вижꙋ, а негде читаю что Богъ намъ власть подалъ дрꙋгъ дрꙋга ѡсꙋдитъ, и къ дїаволꙋ предаватъ.

Video sed nullibi lego quod Deus nobis potestatem dederit, nos invicem damnare et Diabolo tradere.

Спасителъ скажетъ,

Salvator noster di-

— 71 —

не сꙋдите да не сꙋдими бꙋдете.

cit, nolite condemnare, ne condemnemini.

И ѧ всегда противъ любви христїанскои почиталъ, что дрꙋъ дрꙋга ѡсꙋжаетъ, дꙋховнаѧ то гордость всехъ иннихъ поганихъ почитатъ, потомꙋ что не согласꙋютъ снами.

Ego quoque semper existimavi contrarium charitati Christianæ quod alter alterum condemnet. Spiritualis superbia est, omnes immundos censere, quoniam nobis non adstipulantur.

Ѿ всѧкого народꙋ Богꙋ приѧтенъ, которои єво боитъ сѧ и правдꙋ здѣлаетъ.

Дѣѧн. апост. і. лє.

Ex omni populo Deo gratus est, qui ipsum timet, et justitiam exercet.

Люди дꙋмаютъ, что полно, естли въ церквы[1] ходѧтъ.

Homines putant, quod sufficit, si templa frequentent.

[1] Напеч. церккы, вм. церквы

И ѧ дꙋмаю что творителие а не слышателие закона божїего ѡправдатъ сѧ.

Къ Римл. в. гі.

Ты не наши вѣры человѣкъ.

Вѣру [и] во Іисꙋсъ хри-

Et ego puto non auditores sed operatores mandatorum Divinorum salvos futuros.

Tu nostram religionem non profiteris.

Credo in Iesum Chri-

— 72 —

ста, которои животъ вѣчныи сподобилъ и. посꙋлилъ всемъ вѣрꙋющїимъ въ нево. и силаю сѧ на слово Іс҃вое: такъ возлюбилъ Богъ мїръ, ѧко и сына своего єдиннороднаго далъ єсть, да всѧкъ вѣрꙋѧи вонь не погибнетъ но иматъ животъ вѣчныи.

Іѡан. г. ѕі.

stum, qui vitam æternam acquisivit et promisit. credentibus in illum. et fundo me in verbo Jesu: Ita Deus dilexit mundum, ut filium suum unigenitum daret, ut omnis qui credit in eum non pereat, sed habeat vitam æternam.

Такъ розличнихъ вѣръ люди скажꙋтъ, что вѣрѧтъ въ Іисꙋсъ христа.

Солгꙋтъ когда по волѣ єво житъ не потщѧтъ сѧ.

Что ты называешъ по волѣ єво житъ?

Спасителъ скажетъ: аще кто хощетъ по мнѣ ити да ѿвержетъ сѧ себе.

Маѳ. ѕі. кд.

Ita diversarum religionum homines dicunt, quod credant in Jesum Christum.

Mentiuntur, quando voluntati ipsius obtemperare non student.

Quidnam tu vocas voluntati ejus obtemperare?

Salvator dicit, qui me sequi vult, abneget seipsum.

— 73 —

Что то, ѿвержетъ сѧ себе?

Ѡтложитъ плотские похоти и мїрскꙋю любовь, и толко попечисѧ ѡ бого ꙋгодномъ житїи, си речъ: что бы мы по примерꙋ Спасителѧ нашево всегда жили, въ смиренномꙋдрїи въ любви, и въ чистотѣ.

Мало такихъ наидешъ, мало не вси по плоти живꙋтъ, дрꙋгъ на дрꙋга вознесетъ сѧ, дрꙋгъ дрꙋга ѡбидитъ, и болша половина толко ищетъ тѣлесние сласти, которие дꙋшꙋ ѡскверниѧтъ.

Тово рѧди когда Спасителъ говоритъ ѡ последномъ времени, спращиваетъ, наитили станетъ вѣрꙋ на зем-

Quid hoc? abnegare seipsum?

Deponere carnales concupiscentias et amorem mundanum, et tantum sollicitum esse de vita Deo accepta, hoc est, ut secundum exemplum Salvatoris nostri semper vivamus, in humilitate, charitate et puritate.

Paucos tales invenis. fere omnes secundum carnem vivunt. Unus super alterum se effert. Unus alterum injuria efficit, et maxima pars tantum quærit corporis voluptates, quæ animam contaminant.

Ideo quando Servator loquitur de ultimis diebus, interrogat.

Quando filius hominis veniet, reperietne fi-

лѣ сынъ человѣческій когда придетъ.

Лѵк. и і. и.

dem in terra.

Однакожде кажетъ са что люди попеченіе имѣютъ ѡ вѣрѣ, потому что везде такимъ задоромъ спорѵютъ са чеа вѣра прама.

Attamen videtur, quod homines solliciti sint de fide, quoniam ubique tanto fervore disputant, quænam religio sit vera.

Споры ѡ божественнихъ дѣлехъ до смерти не люблю. примечалъ что менше по Христіанскомѵ[1] живѵтъ которие болши ѡ вѣрѣ бранатъ са.

Rixas circa res divinas minime omnium amo. Observavi, quod minime omnium more Christiano vivant, qui plurimum de fide cum aliis jurgantur.

Право такъ. Соры не придѵтъ ѡт дѵха мирѵ и кротости.

Verum dicis. Jurgia non procedunt á spiritu pacis et mansuetudinis.

Вѣстимъ нетъ. когда ѵченники Ісвие розсердили са, что люди не хотѣли возпримать Господа, и желали что бы тіи люди огнемъ[2]

Certe non. Cum Discipuli Jesu Christi indignarentur, quod nollent Dominum excipere, et optarent ut isti impii igne cœlo

съ небѣси погинѵли, спасителъ скажетъ: не вѣсте каково дѵха дѣти есте. приказалъ неприатели любитъ и скажетъ: новѵю заповѣдъ даю вамъ да любите дрѵгъ дрѵга какъ а васъ любилъ, въ семъ[3] розѵмѣютъ что ѵченники мои есте.

Іѡан. гі. лд. лє.

delapso perirent, dicit Servator: nescitis, cujus spiritus filii estis. Jussit ut inimicos nostros amemus, et dicit novum præceptum do vobis ut vos invicem ametis, sicuti ego vos amavi. In hoc intelligent quod discipuli mei sitis.

Симъ ѡбычіемъ мало прамихъ ѵченниковъ или христіанинъ наидетъ са.

Hac ratione pauci veri discipuli vel Christiani inveniuntur.

Так кажетъ са мнѣ. Господъ никово ѵченника своево почитаетъ, котором слово єво не держитъ, ныне ты самъ сѵди, какъ христіанское има довѣдетъ са болшои половинѣ которие христіанми называютъ са.

Ita mihi videtur. Dominus neminem pro discipulo suo agnoscit, qui verbum suum non servat. Jam tu ipse judica, quomodo nomen Christianum competat majori parti illorum qui Christianos se vocant.

[1] Напеч. Христіанскому.
[2] Напеч. огномъ
[3] Напеч. всемъ вм въ семъ.

Чаютъ, что должность[1] христїанскꙋю справлѧютъ єстли по времени Богꙋ молѧтъ сѧ и причастѧтъ сѧ.

Opinantur quod officium Christiani perficiant, si preces interdum ad Deum fundunt et sacram cœnam capiunt.

Совѣтꙋю имъ, читать первꙋю главꙋ пророка Єсаїа, где Богъ скажетъ: на празно молѧтъ сѧ мнѣ потомꙋ что сердце ихъ не чисто.

Єсаї. глав. а ѿ аі. стих. до зі.

Consulo ipsis ut legant primum caput Esaiæ ubi Deus dicit, frustra me invocant, quoniam cor ipsorum non est purum.

Помню что Спасителъ скажетъ: блаженние чистїи сердцемъ, ѧко тїи Бога ꙋзрѧтъ. (а) Въ чистомъ сердце состоитъ таѧ свѧтына безъ которои мы не станемъ видѣти Господа. (б) Єтаѧ свѧтына называетъ сѧ ѿ свѧтово Павла нова

(а) мао е. и. (б) къ евреемъ ві. ді.

Recordor, quod Servator dicit. Beati puri corde, quoniam Deum videbunt. In cordis puritate consistit illa sanctimonia sine qua Deum non videbimus. Hæc sanctimonia vocatur á S. Paulo nova creatura, novus homo secundum

тварь: (а) новои человѣкъ ѡбновлѧемїи по ѡбразꙋ создавшаго єво: (б) ѿ Спасителѧ называетъ сѧ: человѣкъ свыше рожденъ, когда скажетъ: аще человѣкъ не родитъ сѧ свыше, неможетъ видѣти царствїѧ[2] божїѧ. (г) и въ посланїи свѧтого Іѡанна называетъ сѧ тое, рожденимъ[3] быти ѿ бога (д).

(а) къ Галат. в. еі. (б) къ Колос. г. і. (г) Іѡан. г. г. (д) Перв. послан. Іѡан. е. д.

imaginem creantis ipsum, et à Servatore nostro superna nativitas, quando dicit, nisi homo superne nascatur non potest videre regnum Cœlorum. Et S. Johannes vocat hoc ê Deo natum esse.

Однакожде Іѡанъ скажетъ что весъ мїръ въ злѣ лѣжитъ.

Перв. посл. Іѡан. е. ѳі.

Attamen S. Johannes dicit, quod totus mundus in pravtate jaceat.

Спасителъ розлꙋчитъ своихъ ѿ мїра,

Servator suos distinguit à mundo, quando

когда скажетъ къ ꙋченикомъ своимъ: нѣсте ѿ мїра. и въ

dicit ad discipulos suos, non estis de mundo, et in alio loco

[1] Напеч. должнесть.
[2] Напеч. цартвїѧ вм. царствїѧ.
[3] Напеч. рождицимъ.

инномъ мѣстѣ а читалъ, что Бога не любитъ которои любитъ міръ, (а) и а крѣпко вѣрю: сколъ долго человѣкъ любитъ міръ, сиречъ, богатство, власть, честь и тѣлесние сласти, не возможетъ по своеи должности [1] любитъ или Бога или ближново своево.

(а) Перв. посл. Іωан. в. еі.

legi, quod Deum non amet, qui amat mundum, et firmiter credo: Quamdiu homo mundum diligit, hoc est, divitias, potentiam, honorem et voluptates corporis, non potest amare sive Deum sive proximum suum prout debet.

Въ дȣраки поставлаютъ человѣка которои богатство [2] и честь не ищетъ.

Pro stulto reputant illum, qui divitias et honorem non quærit.

По моемȣ разȣмȣ болша честь состоитъ въ благочестїи которое насъ приатели и братїе Іисȣсъ Хрїста тво-

Pro meo captu, maximus honor constitit[3] in pietate, quæ nos amicos et fratres Jesu Christi efficit. Malo

— 79 —

ритъ. (а) Лȣче а хочȣ одномȣ Бого ȣгодномȣ человѣкȣ понравити са, неже ω^т тисащихъ инних похвалнимъ быти.

(а) Маѳ. еі. н. Іωан. еі. аі.

ego uni homini, qui Deo carus est, placere, quam à mille aliis laudari.

Какъ бы вси єтїе мысли имѣли, скоро мы видѣли бы христїанскȣю церквȣ въ болшомъ счастїи и въ болшои славѣ.

Дáи Богъ нáмъ всемъ дȣха мíрȣ и правды, ωсвататщого й просвѣщáщого нáсъ, что бы мы розсȣждáли, какω вси прамíе христїане ȣды бывáютъ óдного телесе (а)

(а) къ Римлан. вi. е.

Si omnes has opiniones foverent, mox visuri essemus Ecclesiam in majori felicitate et in gloriosiore statu.

Concedat Deus nobis omnibus spiritum pacis et veritatis, sanctificantem et illuminantem nos, ut discernamus, quomodo omnes veri Christiani membra sint unius cor-

— 80 —

котóрого глáва éсть Іс Х^с тосъ (а) да ȣтвéрди^т нáсъ всемогȣщїи, что бы мы пребывáли, въ словесíи Спасíтела нáшего, такъ мы во йстин"ȣ ȣчнцы

poris, cujus caput est Jesus Christus. Fortificet nos Omnipotens ut maneamus in verbo Salvatoris nostri; Ita revera discipuli ejus erimus, et veritatem

---

[1] Напеч. д о л ж н е с т и.
[2] Напеч. б о р а т с т в о.
[3] Въ С[illegible] (?)

єгѡ б8демъ, й раз8мѣти ста-немъ истин"8 й истин"а сво-бόди' насъ стане', (б) сймъ обычїемъ истинїи поклόнцы поклонаʼса ѡʼц8 д8хомъ й йсти"ною (г) котόрие роз8мѣти стан8' счáстливость ѡ которои Спасйтель го-

cognoscemus et veritas nos in libertatem asseret. Hoc modo veri adoratores in spiritu et veritate adorant, qui intelligent beatitudinem de qua loquitur Salvator, quando dicit: si quis me amat verbum meum

(а) къ Эфесее. д. к в. к г. (б) Іѡан. и. л д. л к. (г) Іѡан. д. к г.

— 81 —

ворить, когда скáжеть: (а) аще кто люби'ма, слόво моé со-блюдеть й ѡ'цъ мόи возлюбить єгѡ й къ нéм8 прїидева й оби-тель 8 нéгѡ сотвόрива.

(а) Іѡан. д і. д г.

servat, et Pater meus ipsum amat et veniemus ad ipsum et mansionem apud ipsum faciemus.

Сймъ ѡбычїемъ [1] йзполнитъ са станетъ речéнное въ апо-калѵ[2]. к а. г. се скйнїа божїа съ человѣки и вселитса съ нйми и тїи людїе єгѡ б8д8тъ и сáмъ Богъ б8детъ съ нйми Богъ ихъ.

Hoc modo implebitur dictum in apocalyps. XXI. 3. Ecce Tabernaculum Dei cum hominibus, et commorabitur cum illis, et illi erunt populi ipsius et, ipse Deus erit cum illis Deus ipsorum.

— 82 —

NUMERI CARDINALES RUSSICI.

Одинъ, одна, одно	1.	деватнацетъ	19.
два, двѣ, два	2.	двацать	20.
три	3.	двацать одинъ.	21.
четыри	4.	трицать	30.
пать	5.	сорокъ	40.
шесть	6.	патдесать	50.
седмъ	7.	шесть десать	60.
восмъ	8.	седмъ десать	70.
девать	9.	восмъ десать	80.
десать	10.	девепосто	90.
одиннацетъ	11.	сто	100.
дванацетъ	12.	дваста	200.
тринацетъ	13.	триста	300.
четырнацетъ	14.	четыриста	400.
патнацетъ	15.	пать сотъ	500.
шестнацетъ [3]	16.	шесть сотъ	600.
седмнацетъ	17.	тысащи	1000.
восмнацетъ	18.		

[1] Напечатано ѡбынїемъ (ч перевернутое).
[2] Напеч. апокл х ѵ ѵ.
[3] Напеч. шестнацетъ.

BREVE VOCABULARIUM RERUM NATURALIUM

[Примечание. В немецком столбце у Лудольфа все существительные напечатаны со строчной буквы].

Cœlum	Небо	der Himmel.
Sol	солнце	die Sonne.
Luna	месецъ, люна	der Mohn.
Stella	звѣзда	der Stern.
Nubes	облакъ	eine Wolke.
Pluvia	дождъ	der Regen.
Nix	снѣгъ	der Schnee.
Glacies	ледъ	Eiſs.
Annus	годъ	daſs Jahr.
Ver	вѣсна	der Fruhling.
Æstas.	лѣто	der Sommer.
Autumnus	осень	der Herbest.
Hyems	зима	der Winter.
Mensis	месецъ	der Monath.
Septimana	недѣла	die Woche.
Dies	день	der Tag.
Dies Solis	возкресенніе	Sontag.
Dies Lunæ	понѣделникъ	Montag.
Dies Martis	вторникъ	Dienstag.
Dies Mercurii	среда	Mittwochen.
Dies Iovis	четвергъ	Donnerstag.
Dies Veneris	пятница	Freytag.
Dies Sabbati	сѹбота	Sonnabend.
Nox	ночь	die Nacht.

Mane	ѹтро	der Morgen.
Vesper	вечеръ	der Abend.
Hora	часъ	die Stunde.
Ignis	огонь	das Feuer.
Aer	воздѹхъ	die Luft.
Ventus	вѣтръ	der Windt.
Aqua	вода	das Wasser.
Fluvius	рѣка	der Fluß.
Mare	море	daſs Meer.
Lacus	осеръ	der See.
Terra	земля	die Erde.
Regio	странна	das Land.
Insula	островъ	die Insul.
Arena	песокъ	der Sandt.
Lapis	Камень	der Stein
Silex	кремень	Kieselstein.
Marmor	мраморъ	Marmelstein.

Magnes	магнитъ	Magnet.
Later	кирпичъ	Backstein.
Gemma	бисеръ	Edelgestein.
Adamas	алмасъ	Demant[1].
Lychnites, Rubinus	лалъ	Rubin.
Sapphirus	ахонтъ	Sapphier.
Smaragdus	изюмрȣдъ	Smaragd.
Eranus, turcites	бирюза	Turkis.
Metallum	**Рȣдъ**	**Metall.**
Aurum	золото	Gold.

Argentum	серебро	Silber.
Argentum vivum	ртȣть	Quecksilber.
Cuprum	мѣдъ	Kupfer.
Stannum	олова	Zinn.
Plumbum	свинецъ	Blei.
Ferrum	железо	Eissen.
Chalybs	сталъ, ȣкладъ	Stahl.
Radix	**Коренъ**	**die Wurtzel.**
Rapa	рѣпа	Rube.
Siser	борканъ, морковъ	gelbe Rube.
Beta	свѣкла	rothe Rube.
Raphanus	рѣтка	Rettich.
Raphanus major	хренъ	Merrettich.
Cœpe	лȣкъ	Zwiebel.
Allium	честнокъ	Knoblauch.
Herba	**Трава**	**Graſs, kraut.**
Urtica	кропива	Nessel.
Apium	петрȣшка	Petersilien.
Mentha	мата	Muntze.
Absynthium	палынъ	Wermuth.
Flos	**Цвѣтъ**	**Bluhme, bluthe.**
Rosa	серебонной цвѣтъ	Rohse,
Caryophyllum	гвоздичной цвѣтъ	Negelein.
Lilium convallium	ландишной цвѣтъ	Meyenbluhme.
Primula veris	бȣквица бѣла	Schlusselbluhm.
Aromata	**Прѧнїе зѣлїе**	**Gewurtz.**
Piper	перецъ	Pfeiffer.

Zinziber	инберъ	Ingwer.
Cinamomum	корица	Zimmett.
Calamus aromaticus	ирово коренїе	Kalmus.
Semen	**Семѧ**	**Saame.**
Granum	зерно	Korn.
Sinape	горчица	Senff.
Faba	бобъ	Bohne.
Pisum	горохъ	Erbs.
Lupulus	хмѣль	Hopfen.
Papaver	макъ	Mohne.
Avena	овесъ	Haber.
Hordeum	жито, ечмень	Gersten.
Siligo	рожъ	Rocken.
Triticum	пшеница	Weitzen.
Millium	просъ, пшено	Hirschen.
Oryza	пшено сарачинское	Reiß.
Fructus Hortensis	**Огородной плодъ**	**Gartenfrucht.**
Cucumeres	агѵрцы	Gurken.
Cucurbita	тыква	Kurbiß.
Melones	дыны	Melohnen.
Fraga	земланица	Erdbeer.
Rubus idæus	малыны	Hindbeer.
Ribes	смородина	Iohanns beer
Mora myrti	черницы	Heidelbeer
Baccae Juniperi	можевеловїе ѧгоди	Wachoiderbeer.
Baccae Cynosbati	шиповнїе ѧгоди	Hagbutten.
Mora	бусовїе ѧгоди	Maulbeer.

Ficus	виннїе ѧгоди	Feigen.
Uvae passæ	изюмъ	Rosinen.
Amigdalum	амигдалное ѧдро	Mandeln.
Cerasa	вишни	Kirschen.
Nuces	орехи	Nusse.
Juglandes	грецкие орехи	welsche Nusse.
Pruna	черно сливы	Pflaumen.
Pyra	грѵши	Birn.
Mala	ѧблоки	Apfel.
Arbor	**Древо**	**Baum.**
Tilia	липа	Linde.
Abies	сосна	Tanne.
Pinus	ѣль	Fichte

Betula	береза	Birke.
Quercus	дȣбъ	Eiche.
Vermis	Червъ	Wurm.
Aranea	паȣкъ	Spinne.
Pediculus	вошь	Lauss.
Pulex	блоха	Floh.
Musca	мȣха	Fliege.
Apis	пчела	Biene.
Piscis	Рыба	Fisch.
Sturio	осетръ	Stohr.
Huso	бѣлȣга	Hausen.
Salmo	семга	Lachs.
Lucius	щȣга	Hecht.

Perca	окȣнъ	Bars.
Anguilla	ȣгровина	Ahl.
Tinca	линъ	Schleie.
Murænula	виюни	Neunaugen.
Gobio	пескари	Kressen.
Halex	селдъ	Hering.
Asellus	траска сȣха	Stockfisch.
Cancer	ракъ	Krebs.
Avis	Птица	Vogel.
Gallina	кȣрица	Henne.
Gallus	петȣхъ	Hahn.
Columba	голȣбъ	Taube.
Gallus africanus	индѣиска	Kalkun.
Anas	ȣтка	Endte.
Anser	гȣсъ	Gans.
Cygnus	лебѣдъ	Schwan.
Luscinia	соловеи	Nachtigall.
Carduelis	щеглонокъ	Stieglitz.
Linaria	репеловка	Henfling.
Fringilla	заблица	Finke.
Alauda	жаверонокъ	Lerche.
Coturnix	перепелка	Wachtel.
Perdix	кȣропатка	Rebhun.
Hirundo	ластичка	Schwalbe.
Merula	дрость черна	Amsel.
Aquila	орелъ	Adler.
Noctua	сова	Nachteul.

Falco	соколъ	Falke.
Corvus.	ворона	Rabe.
Monedula	галка	Dohle.
Pavo	павелонокъ	Pfaue.
Tarda	трахва	Trappe.
Animalia domestica	**Дворовие звѣри**	**Zaame Thiere.**
Equus	лошадь	Pferd.
Bos	быкь	Bull.
Vacca	корова	Kuhe.
Asinus	оселъ	Esel.
Aries	бораиъ	Wieder.
Ovis	овца	Schaaf.
Capra	коза	Ziege.
Porcus	свиніѧ	Schwein.
Canis	собака	Hund.
Felis	кошка	Katze.
Feræ	**Дикие звѣри**	**Wilde Thiere.**
Leo	левъ	Lewe.
Tigris	бабръ	Tieger.
Pardus	барсъ	Leopard. [1]
Lynx	рысъ	Luchs.
Ursus	медвѣдъ	Behr.
Lupus	волкъ	Wolf.
Vulpes	лисица	Fuchs.
Vulpes alba	песца	Weisser Fuchs.
Martes scythica	соболъ	Zobel.
Martes	кѹница	Marter.

Elephas	слонъ	Elephant
Camelus	велблюдъ	Camehl
Alces	лосъ	Elend.
Cervus	ланъ	Hirsch.
Rana (sic!)	еленъ	Rennthier.
Lepus	заѧцъ	Hahse.
Erinaceus	ежъ	Igel.
Mus	мышъ	Maus.
Glis	крысъ	Ratte.
Cricetus	кротъ	Hambster.

Finis.

[1] Напеч. Leohard вм. Leonard